

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

«Добра хочу братья и Русскій Земли.»

Владиміръ Мономахъ.

1862

Л Ю Т Н Ъ

(ФЕВРАЛЬ)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ОСНОВА

ЮЖНО-УСЛАНСКИИ ПИТАВАРИО-УКРЕПИО

ВЕСТНИКЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 23 марта, 1862 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

1862

И И Т О И

(1862/72)

ПЕЧАТАТЬ

ПОЗВОЛЯЕТСЯ

КОБЗАРЬ.

III.

На великдень, на солóмі
Проти сóнца, діти
Грались собі крашанками
Та й стали хвалітись
Обно́вами. Тому́ къ святка́мъ
Зъ лиштвою пошіли
Сорóчечку, а тій стéжку,
Тій стрічку купіли;
Кому́ шапóчку смуше́ву,
Чобіткі шапóві,
Кому́ світку... Одна́ тілки
Седіть безъ обно́ви
Спрігочка, ручея́та
Схова́вши въ рука́ва.
— Міні́ ма́ти купува́ла.
— Міні́ ба́тько справивъ.
— А міні́ хреще́на ма́ти
Лиштву вишива́ла.
»А я въ пона́ обідаласъ,
Сирітка сказа́ла...

III.

Якъ-би́ міні́ черевіки,
То пішлабъ я на музики, —
Гóренько мо́е!
Череві́ківъ нема́е;
А му́зика гра́е, гра́е,
Жа́лю завда́е!

Ой підү я бóса пóлемъ,
 Пошукáю свою дóлю, —
 Дóленько мóя!
 Глянь на мéне чорнобріву,
 Моя дóле неправдівá,
 Безталáнна я!
 Дівчáточка на музівáгахъ
 У червóнихъ черевівáгахъ...
 Я світомъ нужү...
 Безъ роскóши, безъ любóви,
 Зношү свої чóрні брóви —
 У нáймахъ зношү!...

LIV.

ПОДРАЖАНІЕ ПОЛЬСКОМУ ПОЭТОВІ АНТОНИЮ СОВІ.

Посажү коло хатини,
 На спóминь дружини,
 И яблуньку и грúшечку,
 На спóминь еднívий!

Бóгъ дасть, віростуть. Дружина,
 Підь дрéвами тими
 Сяде собі вь холодóчку
 Зь дítками малými.

А я б́ду грúші рвáти,
 Дítкамъ подавáти...
 Зь дружинóю еднóю
 Тíхо розмовляти.

— Тоді, сéрце, якъ брáвся,
 Сі дрéва садívь я...
 Щаслівий я! — И я, дрúже,
 Зь тобóю щасліва!

Т. ШЕВЧЕНКО.

19 ноябра, 1839 г.
 Петербургь.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Восьмой отрывокъ.

Отъ 15 до 20 августа включительно въ *Дневникъ* записаны лишь встрѣчи съ Т. Гр., рукою тѣхъ, для кого онѣ были дороги. Мы приводимъ ихъ замѣти, какъ выраженіе преданности къ поэту, сохранившейся несмотря на 10-лѣтнее удаленіе его изъ родины.

15 августа. Въ день Успенія встрѣтилъ я въ Астрахани стараго моего профессора (*живописи*) Кіевскаго университета, дражайшаго и любезнѣйшаго нашего поэта, встрѣтилъ я его съ величайшею радостью въ такой далекой сторонѣ—какъ отца, какъ брата, какъ величайшаго друга, и имѣлъ счастье прожить съ нимъ нѣсколько дней почти вмѣстѣ. Воспитанникъ Кіевскаго университета, Иванъ *Клопотовскій*.

16 августа. Въ тотъ же день и я былъ осчастливленъ встрѣчею съ любимымъ и уважаемымъ мною поэтомъ, Т. Гр. Шевченкомъ, съ которымъ я провожу эти дни, что оставитъ во мнѣ глубокое воспоминаніе навсегда. Воспитанникъ того же университета, Иванъ *Незабитовскій*.

Я запишу въ своемъ дневникѣ, что 16 августа я провелъ день съ поэтомъ Малороссіи, Шевченкомъ. Евгений *Одинцевъ*.

Съ душевнымъ восторгомъ я встрѣтилъ и провелъ нѣсколько часовъ съ моимъ милымъ баткомъ, старымъ козакомъ Тарасомъ Григоровичемъ Шевченко, и очень благодаренъ Богу, что онъ довелъ меня быть вмѣстѣ съ нимъ. Федоръ *Чельцовъ*.

17 августа. Иванъ Рогожинъ, изъ дружбы къ Перфилу, поступилъ за него на полгода въ солдаты; но какъ ни хитеръ и ни изворотливъ былъ бѣсъ, но никакъ не могъ примѣниться къ порядку, и бѣднаго дупили какъ Сидорову козу, такъ-что когда прошло уже полгода, ему стыдно было показаться къ своему наибольшему. Бѣдный бѣсъ не рассчиталъ, что значить надѣть ранецъ, а Перфиль когда услышалъ отъ него разсказъ о службѣ, сказалъ ему: «въ чужіе сани не садись». Съ тѣхъ поръ ни одинъ бѣсъ уже не хотѣлъ служить въ солдатахъ; тыжъ-то, батку, десять лѣтъ пробуй въ нихъ. Офицеры якъ почули отъ Перфила, о томъ, что Рогожинъ за него пробывалъ полгода, выразили свой восторгъ словами: «Знатно! и бѣсъ побывалъ въ нашихъ рукахъ». *Скрѣпилъ Иванъ Рогожинъ. Фельдфебель Перфиль.*

18 августа. В. *Кишкинъ*. Встрѣча со старымъ знакомымъ.

19 августа. *Lekarz Karol Niwicki. — Paweł Radziejowski. — Tytus Szalewicz.*

20 августа. Krasomowstwo nie wielu otrzymało w udziale; mnie zaś, pozbawionemu tego boskiego daru, pozostaje w milczeniu tylko podziwiać i holdować twórczej twej potędze, święty narodowy wieszcu. Twoja dzisiejsza przytomność wśród nas zupełnie szczęśliwym mnie czyni i chwile obecne nigdy w mej pamięci nie zatra. O, stokroć, stokroć błogosławie ten drogi dzień, w którym niebo pozwoliło mi osobiście poznać się s tobą, gorliwy i nieulekły opowiadacz słowa prawdy. Niechże słów tych kilka przypominają ci,—poeto—malarzu, głęboka czcią poważającego ciebie Tomasza Zbrożka.

22 и 23 августа вовсе не записаны в Дневникъ.

23 августа 1857.

Съ 15 по 22 августа былъ у меня, въ грязной и пыльной Астрахани, такой свѣтлый прекрасный праздникъ, какого еще не было въ моей жизни. Земляки мои, большею-частью — Кіяне, такъ искренно, радостно, братски привѣтствовали мою свободу, и до того распростерли свое гостеприемство, что лишили меня свободы самому вести свой журналъ, и взяли эту обязанность на себя. Благодарю васъ, благородные, безкорыстные друзья мои. Вы подарили меня такою радостію, такимъ полнымъ счастьемъ, которое я едва вмѣщаю въ моему благодарному сердцу, и память объ этихъ счастливейшихъ дняхъ я вношу не въ прозаическій журналъ мой, а внесу въ сокровищницу моего сердца.

15-го же августа, вечеромъ, Зброжекъ случайно у С—ж—овыхъ проговорился, что я въ Астрахани. И 16-го августа я возобновилъ старое знакомство съ Александромъ Александровичемъ. Это уже былъ не шалунъ-школьникъ въ дѣтской курточкѣ, котораго я видѣлъ послѣдній разъ въ 1842 году; это уже былъ мужчина, мужъ и, наконецъ, отецъ прекраснаго дитяти, а сверхъ всего этого, я встрѣтилъ въ немъ простаго, высокоблагороднѣйшаго, добраго человѣка. Черта, характеризующая семейство С—ж—овыхъ. Онъ, не знаю какъ надолго, оставляетъ Астрахань, и до Нижняго Новгорода предложилъ мнѣ каюту на абонированномъ имъ пароходѣ князь Пожарскій. Пятирублевый билетъ, взятый мною, я возвратилъ въ контору пароходной компаніи »*Меркурійс*, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ отданъ первому бѣдняку безденежно. Капитанъ парохода князь Пожарскій, Владиміръ Васильевичъ К—ш—инъ распорядился такъ, что, вмѣсто одного бѣдняка, помѣстивъ на баржѣ пять бѣдняковъ, не могшихъ заплатить за мѣ-

сто до Нижняго даже по цѣлковому. Черта практически-благородная.

25 августа.

Парохода князь Пожарскій буфетчикъ Алексѣй Павфиловъ Пановъ, отпушенникъ г-на Крюкова. (*Записано чужою рукою*).

27 августа.

Ночи тихія, лунныя, очаровательно-поэтическія ночи! Волга, какъ безконечное зеркало, подернутая прозрачнымъ туманомъ, мягко отражаетъ въ себѣ очаровательную блѣдную красавицу ночи и сонный обрывистый берегъ, уставленный группами темныхъ деревьевъ. Восхитительная, сладко-успокоительная декорация! И вся эта прелесть, вся эта зримая нѣмая гармонія оглашается тихими задушевными звуками скрипки. Три ночи сряду этотъ вольноотпущенный чудотворецъ безмездно возноситъ душу къ Творцу вѣчной, плѣнительной — звуками своей лубошной скрипичи. Онъ говоритъ, что на пароходѣ нельзя держать хорошій инструментъ, но и изъ этого нехорошаго онъ извлекаетъ волшебныя звуки, въ-особенности въ мазуркахъ Шопена. Я никогда не наслушаюсь этихъ общеславянскихъ сердечно-глубоко-унылыхъ пѣсень. Благодарю, мой крѣпостной Паганини, благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! изъ твоей блѣдной скрипичи вылетаютъ стоны и сливаются въ одинъ протяжный мрачный стонъ. Скоро ли долетятъ эти пронзительные вопли до твоего слуха, нашъ праведный Боже!

Подъ вліяніемъ скорбныхъ, вопіющихъ звуковъ этого блѣднаго вольноотпущенника, пароходъ, въ ночномъ погребальномъ покоѣ, мнѣ представляется какимъ-то огромнымъ, глухо-ревушимъ чудовищемъ съ раскрытой огромной пастью, великій Фультонъ и великій Уатъ!

28 августа.

Со дня выхода парохода изъ Астрахани, т. е. съ 22 августа, я не могу ни за что, ни даже за свой журналъ, приняться акурратно, какъ это было въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Я все еще

не могу и не желаю освободиться изъ-подъ вліянія, произведеннаго на меня въ Астрахани моими земляками, и возобновленнаго Александромъ Александровичемъ Сапожниковымъ и всѣми сопутствующими ему его родственниками и друзьями. Всѣ онѣ, начиная съ хозяйки (Нины Александровны) и хозяйина, всѣ онѣ такъ дружески просты, такъ внимательны, что я отъ избытка восторга не знаю, что съ собою дѣлать, и разумѣется только бѣгаю взадъ и впередъ по палубѣ, какъ школьникъ, вырвавшійся изъ школы. И такой быстрый и неожиданный контрастъ мнѣ не даетъ еще войти въ себя. Простое человѣческое обращеніе со мною теперь мнѣ кажется чѣмъ-то сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ.

Берега Волги, отъ Царицына и Дубовки, съ часу на часъ дѣлаются выше, живописнѣе очаровательнѣе, а я не сдѣлалъ еще ни одного очерка. Недосугъ. Всѣ книги всѣхъ русскихъ журналовъ за текущій годъ, добрѣйшій Александръ Александровичъ предложилъ къ моимъ услугамъ, и я только сегодня началъ читать *Королезу Варвару*, Попова, и только началъ, а журналъ свой, который въ эти дни долженъ бы былъ наполняться такими очаровательными событіями, я совсѣмъ оставилъ, извиняя себя невозможностью писать по случаю вздрагиванія палубы. О, какъ бы я желалъ продлить это сладкое состояніе, это чувство животворнаго очаровательнаго бездѣйствія.

Я оставилъ знойную степь въ кителѣ и туркменскомъ верблюжемъ чапанѣ. Въ Астрахани я думалъ только о пологѣ отъ комаровъ, а сѣверъ, къ которому стремлюсь, мнѣ и въ голову не приходилъ. И сегодня я могъ бы быть порядочно наказанъ за невниманіе къ бѣловласому Борею, еслибы не выручилъ меня Александръ Александровичъ. Впродолженіи ночи дулъ свѣжій нордъ-остъ, и къ утру сдѣлалось порядочно холодно, такъ порядочно, что я не прочь бы былъ и отъ тулупа. А у меня, кромѣ кителя и помянутаго чапана, совершенно вичего не оказалось. Александръ Александровичъ, спасибо ему, предложилъ мнѣ свое теплое пальто, брюки и жилетъ. Я съ благодарностью принялъ все это, какъ даръ, ниспосланный мнѣ свыше, и черезъ минуту явился на палубѣ преображеннымъ въ настоящаго денди. Богъ да наградитъ тебя, мой добрый Саша, за это братски-дружеское ображеніе.

29 августа.

Берега Волги съ каждымъ часомъ дѣлаются выше и привлекательнѣе. Я попробовалъ сдѣлать очеркъ одного мѣста съ палубы парохода, но увы, нѣтъ никакой возможности. Палуба дрожитъ и контуры береговъ быстро мѣняются. И я съ своимъ давнишнимъ новопетровскимъ предположеніемъ — рисовать берега матушки Волги — долженъ теперь проститься. Сегодня, съ полуночи и до восхода солнца, пароходъ грузился дровами около Камышина, а я едва успѣлъ сдѣлать легонькій очеркъ Камышинской пристани съ правымъ берегомъ Волги; дровъ взято до Саратова и, значить, я ближе Саратова ничего не сдѣлаю. Выше Камышина, въ 60 верстахъ, на правомъ берегу Волги, боцманъ парохода показалъ мнѣ бугоръ Стеньки Разина. Это было на разсвѣтъ, и я не могъ хорошо разсмотрѣть этой замѣчательной, но неживописной, мѣстности. Историческій бугоръ этотъ, — я не знаю почему его называютъ бугромъ — и на вершокъ не выше окружающей его мѣстности. И еслибы лоцманъ мнѣ не указалъ его, я не замѣтилъ бы этой ничтожной твердыни лыцаря Стеньки Разина, этого Волжскаго Бирона и, наконецъ, пугала московскихъ практикановъ и Персидскаго шаха, которые испугались скрытаго, ночнаго, воршики; такъ бѣлоголоваго великана — хищника беркута пугаетъ иногда ничтожный нетопырь.

Самое плоское суздальское изображеніе прославленнаго предмета также интересно, какъ и самое изящное произведеніе живописи. Сознвая эту истину, мнѣ еще досаднѣе, что я не могъ сдѣлать ниже слабаго очерка съ этого весьма прославленнаго бугра. Солнце еще не взошло, и бугоръ оставался за нами верстахъ въ десяти; я долженъ былъ довольствоваться небольшимъ фантастическимъ рассказомъ несловоохотливаго лоцмана.

Волжскіе ловцы и, вообще, простой народъ вѣрять, что Стенька Разинъ живетъ до-сихъ-поръ въ одномъ изъ приволжскихъ ущелій близъ своего бугра, и что (по словамъ лоцмана) прошедшимъ лѣтомъ какіе-то матросы, плывшіе изъ Казани, оставались у его бугра, ходили въ ущелье, видѣли и разговаривали съ самимъ Семеномъ Степановичемъ Разинымъ. Весь онъ, сказывали матросы, обросъ волосами, словно звѣрь какой, а гово-

рять почеловѣчи. Онъ уже началъ было рассказывать что-то про свою судьбу, какъ насталъ полдень и изъ пещеры выползъ змій и началъ сосать его за сердце, а онъ такъ страшно застоналъ, что матросы отъ ужаса разбѣжались, куда кто могъ. А за то его, прибавилъ лодманъ, еженежно змій за сердце сосеть, что онъ проклятъ во всѣхъ соборахъ, а проклятъ онъ за то, что убилъ Астраханскаго архіерея Іосифа. А убилъ онъ его за то, что тотъ его волшебству сопротивлялся.

По словамъ того же рассказчика, Разинъ не былъ разбойникомъ; онъ только на Волгѣ брандвахту держалъ, и собиралъ пошлину съ кораблей, и раздавалъ ее немущимъ людямъ; кому-нцть, выходитъ.

30 августа.

Изъ уваженія къ имениннику и принятому обычаю дарить именинниковъ, я сегодня подарилъ Александру Александровичу портретъ его тещи М-ше Козаченко. Портретъ сдѣланъ въ одинъ сеансъ бѣлымъ и чернымъ карандашами довольно оляповато, но не лишень экспрессіи. Именинникъ, по обыкновенію своему, былъ веселъ и любезенъ, а гости его—въ томъ числѣ и насъ господи устрой, — также охудки на руку не положили, и нецеремонная милая гармонія царила на палубѣ князя Пожарскаго.

Въ вечеру, отъ Саратовской пассажирки, нѣкоей весьма любезной дамы, Татьяны Павловны Соколовской, случайно узналъ я, что Н. И. Костомаровъ уѣхалъ за границу, а мать его живетъ въ Саратовѣ. Я просилъ у ней адресъ Костомаровой.

31 августа.

Едва пароходъ успѣлъ остановиться у Саратовской набережной, какъ я уже былъ въ городѣ и, по указаніямъ обязательной М-ше Соколовской я, какъ по писанному, безъ помощи дорогаго извозчика, нашель квартиру Татьяны Петровны Костомаровой. Добрая старушка узнала меня по голосу, но, взглянувши на меня, усумнилась въ своей догадкѣ. Убѣдившись же, что это дѣйствительно я, а не кто иной, она привитала какъ родного сына радостнымъ поцѣлуемъ и искренними слезами.

Пароходъ простоялъ въ Саратовской пристани до слѣдующаго утра, и я, съ полудня до часу по полуночи, провелъ у Татьяны Петровны. И Боже мой!—чего мы съ ней не вспоминали, о чемъ мы съ ней не переговорили. Она мнѣ показывала письма своего Николаши изъ за границы, и лепестки фялокъ-присланныя ей сыномъ, въ одномъ изъ писемъ изъ Стокгольма, отъ 30 мая. Это число напомнило намъ роковое 30 мая 1847 года и мы какъ дѣти зарыдали. Въ первомъ часу ночи я разстался съ счастливѣйшею и благороднѣйшею матерью прекраснѣйшаго сына.

1 сентября.

Петръ Ульяновъ Чекмаревъ (записано чужой рукой).

Новый мѣсяцъ начался новымъ пріятнѣйшимъ знакомствомъ. За полчаса до поднятія якоря, явился въ капитанской каютѣ, и въ моемъ временномъ обиталищѣ, человекъ некрасивой, но привлекательно-симпатической наружности. Послѣ монотонно-произнесеннаго — Петръ Ульяновъ Чекмаревъ, онъ сказалъ съ одушевленіемъ: Марья Григорьевна С—ина, незнаемая вами, ваша милая землячка и поклонница, поручила мнѣ передать вамъ ея сердечный сестринъ поцѣлуй и поздравить васъ съ вождедѣльной свободой. И тутъ же впечатлѣлъ на моей лысинѣ два полновѣсныхъ искреннихъ поцѣлуя, — одинъ за землячку, а другой за себя и за саратовскую братію. Долго я не могъ опомниться отъ этого нечаяннаго счастья. Прийдя въ себя, я вынулъ изъ моей бѣдной коморы какую-то пѣсенку и просилъ своего новаго друга передать эту ленту моей милой сердечной землячкѣ. Вскорѣ начали подымать якорь и мы разстались, давши другъ другу слово увидѣться будущей зимой въ Петербургѣ.

2 сентября.

Пятнадцать лѣтъ не измѣнили насъ:
Я прежній Сашка всё, ты также всё Тарась.

Сегодня, въ 7 часовъ утра, случайно собрались мы въ капитанской каютѣ и слово за слово изъ обыденнаго разговора перешли къ современной литературѣ и поэзіи. Послѣ недолгихъ пересудовъ, я предложилъ А. А. Сапожникову прочесть *Собачій пиръ*, изъ

Барбье, Бенедиктова, и онъ мастерски его прочиталъ. Послѣ прочтенія перевода, былъ прочитанъ подлинникъ, и общимъ голосомъ рѣшили, что переводъ выше подлинника. Бенедиктовъ, пѣвецъ кудрей и прочаго тому подобнаго, не переводить, а возсоздаетъ Барбье. Непостижимо! Неужели со смерти П. — поэты наши воскресли, обновились? Другой причины я не знаю. По поводу Собачьяго пира, нашъ добрый милый капитанъ, Владиміръ Васильевичъ Кишкинъ, досталъ изъ своей заветной портфели его же Бенедиктова: *Входъ воспрещается*, и съ чувствомъ поклонника родной обновленной поэзіи прочиталъ намъ, внимательнымъ слушателямъ. Потомъ прочиталъ его же на новый 1857 годъ. Я дивился и ушамъ не вѣрилъ. Много еще кое чего упруго-свѣжаго, живаго, было прочитано нашимъ милымъ капитаномъ. Но я все свое вниманіе и удивленіе сосредоточилъ на Бенедиктовѣ, а прочее едва слушалъ.

И такъ у насъ сегодня изъ обыкновенной болтовни вышло необыкновенно-эффектное литературное утро. Приятно было бы повторять подобную импровизацію. Въ заключеніе этой поэтической сходки, А. А. Сапожниковъ вдохновился и написалъ двустихіе граціозное и братски-искреннее.

Ночью противъ города Волжска (мѣсто центральной конторы дома Сапожниковыхъ) пароходъ на нѣсколько часовъ остановился. А. А. сошелъ на берегъ и въ скоромъ времени возвратился на пароходъ съ своимъ главнымъ управляющимъ Тихономъ Зинovieвичемъ Епифановымъ: бѣлый съ черными бровями, свѣжій, удивительно-красивый старикъ, съ прекрасными манерами, и гѣни не напоминающими русскаго купца. Онъ мнѣ живо напоминалъ своей изящной наружностію моего дядю Шевченка-Грыню.

3 сентября.

Незабывайте любящаго васъ И. Явленскаго. (*Записано чужою рукою*).

Бѣлъ, пилъ, спалъ. Во снѣ видѣлъ Орскую крѣпость и корпуснаго ефрейтора О — а, я такъ испугался этого ефрейтора, что отъ страха проснулся, и долго не могъ прийти въ себя отъ этого возмутительнаго сновидѣнія.

4 сентября.

Впродолженіи ночи, пароходъ грузился дровами противъ города Хвалынска: одно единственное мѣсто на берегахъ Волги, напоминающее древнее названіе Каспійскаго моря. Поутру, снявшись съ якоря, мы собрались въ каютѣ нашего добраго капитана и послѣ недлиннаго предисловія, составилось у насъ опять литературно-поэтическое утро. Обязательный Владиміръ Васильевичъ прочиталь намъ, изъ своей заветной портфели, нѣсколько животрепещущихъ стихотвореній неизвѣстныхъ авторовъ, и между прочимъ *Кающуюся Россію*, Хомякова. Глубоко-грустное это стихотвореніе я занесъ въ свой журналъ, на память о нашихъ утреннихъ бесѣдахъ на пароходѣ «князь Пожарскій».

5 сентября.

Берега Волги болѣе и болѣе измѣняются и принимаютъ видъ однообразный и суровый. Плоскія возвышенности праваго берега покрыты лѣсомъ, большею частію дубовымъ. Коегдѣ изрѣдка блестятъ бѣлые стволы березъ и сѣрые матовые стволы осины. Древесный листъ замѣтно желтѣетъ. Температура воздуха измѣняется, холодѣетъ. Какъбы она меня не захватила въ распахъ. Сегодня былъ первый утренникъ. Ноги прозябли. Нужно будетъ въ Самарѣ купить коты и дубленый полушубокъ. Ничего не читаю и не рисую. Рисовать не даетъ машина своимъ неугомоннымъ шумомъ и трепетаньемъ, а читать — ненаглядные берега Волги. Во снѣ видѣлъ церковь св. Анны въ Вильнѣ, и въ этой церкви молящуюся милую Дуню, чернобровую Г—скую. Это вѣрно вслѣдствіе чтенія королевы Варвары Радзивиллъ. Г. Поповъ — историкъ новаго прекраснаго стиля. Онъ кажется, ученикъ Соловьева. Нужно будетъ прочитать его, въ Русскомъ Вѣстникѣ, Турецкую войну при царѣ Оедорѣ Алексѣевичѣ. Миѣ теперь много нужно прочитать. Я совершенно отсталъ отъ новой литературы. Какъ хороши *Губернскіе Очерки*, въ томъ числѣ и Мавра Кузьмовна, Салтыкова, и какъ превосходно ихъ читаетъ Панченко (домашній медикъ Сапожникова): безъ тѣни декламации. Миѣ кажется, что подобныя глубоко-грустныя произведенія иначе и читать не должно. Монотонное однообразное чтеніе сильнѣе, рельефнѣе рисуетъ этихъ

бездушныхъ, холодныхъ, этихъ отвратительныхъ Гарпій. Я благоговѣю передъ Салтыковымъ. О Гоголь, нашъ безсмертный Гоголь! Какою радостію возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокругъ себя такихъ гениальныхъ учениковъ своихъ. Други мои, искренніе мои! Пишите, подайте голосъ за эту бѣдную, грязную, червь! — — —

6 сентября.

Въ 10 часовъ утра, князь Пожарскій бросилъ якорь у набережной города Самары. Издали, эта первой гильдиі отроковица весьма и даже весьма неживописна. Я вышелъ на берегъ и пошелъ взглянуть поближе на эту чопорную юную купчиху, и купить коты. На улицѣ попался мнѣ П. Явленскій, и мы *сонча* пустилися созерцать городъ ровный, гладкій, набѣленный, нафабранный, до тошноты однообразный городъ.

Какъ изъ любопытства, такъ и вслѣдствіе вопіющаго аппетита—это случилось часу около второго—мы велѣли извощику ѣхать къ самому лучшему трактиру въ городѣ; онъ и поѣхалъ, и привезъ насъ къ самому лучшему заведенію, т. е. трактиру. Едва вступили мы на лѣстницу сего заведенія, какъ оба въ одинъ голосъ проговорили: здѣсь русскій духъ, здѣсь русью пахнетъ, т. е. саломъ, гарью и всевозможной мерзостью. У насъ однакожь хватило храбрости заказать себѣ котлеты, но увы, не хватило терпѣнія дожидаться этихъ безконечныхъ котлетъ. Явленскій бросилъ половому полтинникъ, ругнулъ маненько, на что тотъ молча съ улыбкою поклонился и мы вышли изъ заведенія. Огромнѣйшая хлѣбная пристань на Волгѣ, приволжскій, Новый Орлеанъ! и нѣтъ порядочнаго трактира.

Послѣ мнимаго завтрака, мы поѣхали въ лавки. Въ лавкахъ, даже въ лавочкахъ, не оказалось такого товара, какой мнѣ былъ необходимъ (коты), и мы отправились на пароходъ.

Въ капитанской каютѣ на полу увидѣлъ я измятый листокъ стараго знакома Русскаго Инвалида, поднялъ его и отъ нѣчего дѣлать принялся читать фельетонъ. Тамъ говорилось о китайскихъ инсургентахъ и о томъ, какую рѣчь произнесъ Гонгъ, предводитель инсургентовъ, передъ штурмомъ Нанкина. Рѣчь начинается такъ: «Богъ идетъ съ нами; что же смогутъ противъ насъ демоны?»

Мандарины эти—жирный убойный скотъ, годный только въ жертву — — —

Въ Самарѣ живетъ богатый купецъ Свѣтовъ, глава секты ма-лакановъ. Правительство (кроткими мѣрами) заставляеть его принять православіе, но онъ, не смотря на кроткія мѣры, рѣшительно отказался отъ православія и изъявилъ желаніе принять кальвинизмъ. На что однакожъ правительство не изъявило своего желанія, и оставило его въ покоѣ, запретивъ ему и его сектѣ торговать.

7 сентября.

Въ 10 часовъ утра, при свѣжемъ нордѣ съ дождемъ и снѣгомъ, мы оставили Самару. Отъ Самары вверхъ, начинается лѣвый берегъ Волги: это плоская возвышенность Жегульскихъ горъ. Черезъ два часа мы подошли къ воротамъ Жигульскихъ горъ. Это—ущелье, съ узвѣшее Волгу до одной версты; за горами, какъ за рамой, открылась намъ новая, доселѣ невиданная, панорама, изпятнанная темносиними полосами. Это обитатель сѣвера — сосновый лѣсъ. На первый планъ этой панорамы, изъ-за ущелья, поросшаго чернымъ лѣсомъ, высунулась обнаженнаяотдѣльная гора. Это Царевъ-курганъ; народное преданіе говорить, что Петръ первый, путешествуя по Волгѣ, останавливался на этомъ мѣстѣ и всходилъ на эту гору, вслѣдствіе чего она и получила названіе Царева кургана.

Гора эта своею формою и величною напомнила мнѣ такую же гору близъ Звенигородки, Кіевской губерніи въ селѣ Гудзивици. И Гудзивскую гору, быть можетъ, какой нибудь—господинъ освятилъ своимъ возшествіемъ, но земляки мои какъ-то тупо сохраняють въ своей памяти подобныя событія. — — —

Не могъ я дознаться, на какомъ народномъ преданіи основываясь, покойный князь Воронцовъ назвалъ, въ своихъ Мошнахъ, обыкновенную гору Святославою горою, съ которой будто бы этотъ удалой варягъ любовался на свою дружину, пѣнвшую святыи Дибиръ своимъ разбойничьими ладьями. Я думаю это просто фантазія и ничего больше. Князю просто пожелалось украсить свой великолѣпный паркъ башнею въ родѣ маяка; вотъ онъ и сочинилъ народное преданіе, приваровивъ его къ мѣстности, и оляповатую свою башню назвалъ башнею Святослава. А Михайло Гра-

бовскій (не въ осудъ будь сказано) чуть-чуть было документально не доказалъ народнаго преданія о Святославовой горѣ.

Капитанъ нашъ—спасибо ему—догадался сегодня изъ своей каюты ажуръ, сдѣлать посредствомъ *кошотъ* каюту-темницу, и учредилъ въ ней чугунную печь, и я теперь буквально нахожусь въ теплыхъ объятіяхъ друга.

Вотъ тебѣ и Волжскіе комары, которыхъ я такъ боялся.

8 сентября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ. Лѣвый берегъ Волги отъ самаго Царскаго кургана замѣтно понижается и сегодня рано я его увидѣлъ такимъ точно, какъ и до Самары, ровный, плоскій: однообразный. Правый берегъ по прежнему угрюмо возвышенъ и покрытъ мелкимъ лѣсомъ. Если бы и можно было рисовать, то совершенно рисовать нѣчего, кромѣ развѣ огромной расшивы, стоящей на якорѣ посрединѣ Волги какъ на зеркалѣ.

Я рассчитывалъ, что казенные смотровые сапоги послужатъ мнѣ по крайней мѣрѣ до Москвы, а они и до Симбирска не дотянутъ; измѣнили проклятые, Иванъ Никифоровичъ Явленскій замѣтилъ этотъ ущербъ въ моемъ весьма нещегольскомъ костюмѣ, и предложилъ мнѣ свои сапоги изъ числа запасныхъ, за что я ему сердечно благодаренъ. Сапоги его пришлось мнѣ по ногѣ, и я теперь щеголяю почти въ новыхъ сапогахъ, въ добавокъ на высокихъ каблукахъ, что мнѣ не совсѣмъ нравится, но дареному коню въ зубы не смотреть.

9 сентября.

Симбирскъ—отъ видишь,
А недѣлю идешь.

Бурлацкая поговорка.

Съ восходомъ солнца, далеко, на пологой возвышенности, упирающейся въ Волгу, показался Симбирскъ, т. е. нѣсколько бѣлыхъ пятнышекъ неопредѣленной формы. Матросъ вахтенный, указывая мнѣ на бѣленькіе пятнушки, проговорилъ бурлацкую поговорку, которую я тутъ же и записалъ. Отъ Сенгилая до Симбирска 50 верстъ и это пространство мы прошли не впродолженіи недѣли,

но впродолженіи битыхъ девяти часовъ. Князь Пожарскій сегодня какъ-то особенно медленно двигался впередъ. А можетъ быть, мнѣ это такъ показалось, потому что Симбирскъ не сходилъ съ горизонта, въ которомъ мнѣ хотѣлось побывать засвѣтло, взглянуть на монументъ Карамзина. Симбирскъ, вмѣсто того, чтобы приблизиться ко мнѣ, увя! совершенно скрылся за непроницаемой завѣсой, сотканной изъ дождя и снѣга. Мерзость эта усиливалась, вечеръ быстро близился и я терялъ надежду видѣть на мѣстѣ музу исторіи, которую я видѣлъ только въ мастерской незабвеннаго Ставассера. Чего я боялся, — то и случилось. Едва къ пяти часамъ князь положилъ свой якорь, у какой-то досчатой пристани. Прочая декорация была закрыта дождемъ и снѣгомъ. Не смотря на все это, я рѣшился выйти на берегъ. Черноземная моя родная грязь по колѣна, и ни одного извозчика. Промочивши въ лужѣ и грязи ноги, я возвратился, нельзя сказать благополучно, на пароходъ.

Другой разъ я проѣзжаю мимо Симбирска, и другой разъ не удается мнѣ видѣть монументъ исторіографа. Первый разъ въ 1847 г. меня провезли мимо Симбирска; тогда было не до монумента Карамзина. Тогда я едва успѣлъ пообѣдать въ какой-то харчевнѣ, или вѣрнѣе сказать, въ кабакѣ. Во мнѣ была, (какъ я послѣ узналъ), экстренная надобность въ Оренбургѣ и потому-то — изъ Питера на осьмые сутки поставили меня въ Оренбургъ. — — Теперь же, въ 1857 г., вмѣсто экстренности, ночь — и съ такими отвратительными варіаціями, что глупо бы и думать о монументѣ Карамзина.

По случаю двадцатилѣтней супружеской жизни Катерины Никифоровны Козаченко, за завтракомъ побороли мы двухъ великановъ, подъ именемъ — пироги съ разными удивительными внутренностями, и по этому-то необыкновенному случаю обѣдали поздно, ровно въ 7 часовъ и ровно въ 7 часовъ положилъ, рядомъ съ княземъ, якорь пароходъ *Сусанинъ*. Капитанъ Сусанина, Яковъ Осиповичъ Воз—ынъ былъ приглашенъ самимъ хозяиномъ къ обѣду. Послучаю неудачи видѣть Симбирскъ и монументъ Карамзина, у меня родился и быстро выросъ великолѣпный проэктъ: за обѣдомъ напиться пьянымъ, но весь этотъ великолѣпный проэктъ удался только въ половину.

Послѣ обѣда зашли мы въ капитанскую свѣтелку (такъ называютъ волжскіе плователи-матросы напалубную капитанскую каюту), и принялись за чай. Между прочими интересными разговорами за чаемъ, Воз—ынъ сказалъ, что онъ послѣ закрытія Волжской навигаціи ѣдетъ въ свое помѣстье (Тверской губерніи), по случаю освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ хотя и либераль, но какъ самъ помѣщикъ проговорилъ эту великолѣпную новость весьма съ неудовольствіемъ. Замѣтя сіе филантропическое чувство въ помѣщикѣ Тверской губерніи, я почелъ лишнимъ завести разговоръ съ помѣщикомъ о столь-щекотливомъ для него предметѣ. И не раздѣливъ восторга, пробужденнаго этой великой новостью, я закутался въ свой чапанъ и заснулъ сномъ праведника.

10 сентября.

Вчерашній мой великолѣпный, вполонину удавшійся проэктъ, сегодня, и то уже слава Богу только вечеромъ, удался, и удался съ мельчайшими подробностями, — съ головою болью и прочимъ тому подобнымъ.

11 сентября.

(Записано другою рукою:)

»Такъ-какъ отъ глумленія пьянственнаго у Тараса колеблется десница, и проситъ шуйцу, но и она въ твердости своей поколебася (тожъ отъ глумленія тогожъ нагубнаго пьянства), вслѣдствіе чего изъ состраданія и любви къ немощному, приѣмлю трудъ описать день исчезающей изъ памяти ослабѣвающей.

»Тарасъ зашелъ-таки далеко, уподобясь тому богопріятному состоянію, какимъ не всѣ сыны Божіи награждаются — иже, на языкѣ порока и лжи тлетворной, *мухою* зовется. И бѣ свирѣпъ въ семь положеній, не давая сомкнуть мнѣ зѣнницы въ ночи—часъ одного и вѣщая неподобные изреки грѣшному міру сему, изрыгая ему проклятія, выстуная съ постели своей босъ и въ единомъ рубищѣ» (и т. д. Въ концѣ, тою же рукою, добавлено:)
P. S. Далѣе не жди отъ Тараса, о, бѣдное, имъ любимое чело-

вѣчество, никакого толку, и большаго величія, и мудраго слова, ибо, опохмѣлившійся, — и т. д.

12 сентября.

Погода отвратительная. Князь Пожарскій и Сусанинъ пологилъ, на ночь, якорь въ Спасскомъ затонѣ. Это зимняя стоянка Меркуріевской компаніи. Здѣсь устроены мастерскія, квартиры для капитановъ, помѣщеніе для мастеровъ, школа и кабакъ. Мѣстность прекрасная, окруженная дубовыми рощами и, не смотря на холодную погоду, въ рощахъ сохранилася свѣжая зелень и нѣкоторые цвѣты, изъ которыхъ я набралъ маленькій букетъ, и какъ истинный Терсисъ Посошковъ, приподнесъ его милѣйшей баронессѣ М—мъ, одной изъ пассажирокъ князя Пожарскаго и женѣ одного изъ капитановъ Меркуріевской компаніи. Милая, привлекательная женщина.

Утро ясное съ морозомъ до пяти градусовъ. Къ 12 часамъ дня погода по вчерашнему измѣнилася въ перемежающійся дождь съ снѣгомъ. Князь Пожарскій благополучно перешолъ Красновидовскій перекать (мели) и въ 11 часовъ вечера положилъ якорь въ 10 верстахъ отъ Казани.

13 сентября.

Казань—городокъ
Москвы уголокъ.—

Эту поговорку слышалъ я въ первый разъ въ 1847 г. на почтовой станціи въ Симбирской губерніи, когда препровождался я въ Оренбургъ. Какой-то упитанный Симбирскій степнякъ, описывая великолѣпіе города Казани, замкнулъ свое описаніе этою ловкою поговоркою. Сегодня поутру увидѣлъ я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собою вспомнилася и невольно проговорилась. Едва пароходъ успѣлъ положить якорь, какъ я выскочилъ на берегъ, помѣстился за четвертакъ въ татарской телѣжкѣ и пустился въ городъ. Какъ издали, такъ и вблизи, такъ и внутри, Казань чрезвычайно живо напоминаетъ собою уголокъ Москвы: начиная съ церковей, колоколенъ до саякъ и калачей, вездѣ, на каждомъ шагу, видишь вліяніе бѣлокаменной

Москвы. Даже башня Сумбеки, несомнѣнный памятникъ временъ татарскихъ, показался мнѣ единоутробною сестрою Сухаревой башни. Большая улица (конечно, Московская), ведущая въ Кремль, смахиваетъ на Невскій проспектъ своею чопорностью и торцовой мостовою. Улица эта начинается великолѣпнымъ зданіемъ университета, украшеннаго грандіозными тремя іоническими портиками. Жаль; этому прекрасному зданію не достаётъ площади. Оно бы много выиграло, и монументъ пѣвца Екатерины не красовался бы на дворѣ въ миниатюрномъ палисадникѣ, меланхолически созерцаемый рудою коровою.

Полюбовавшись, вмѣстѣ съ рудою коровою, статуею сплетателя торжественныхъ одъ, я, проходя черезъ дворъ, встрѣтилъ студента съ порадочно синимъ подбородкомъ, — почему и заключилъ, что онъ, не новичекъ въ здѣшней аудиторіи. На этомъ основаніи, я обратился къ нему, не помнитъ ли онъ Посяду и Андрускаго, переведенныхъ въ 1847 году изъ Кіевскаго университета въ Казанскій. Онъ сказалъ, что не помнитъ и совѣтовалъ мнѣ обратиться къ старому сторожу Игнатьеву. Я вѣжливо поблагодарилъ его за наставленіе, но, не находя нужнымъ примѣнить къ дѣлу это милое наставленіе, вышелъ на улицу. Выйдя на улицу, я услышалъ глухой шумъ барабана и увидѣлъ густую толпу народа, провожавшаго на казнь преступника. Чтобы не встрѣтить эту процессію, я своротилъ въ переулокъ, и въ числѣ бѣгущихъ смотрѣть эту процессію, я увидѣлъ молодую дѣвушку съ шарманкою за плечами и ободраннаго мальчика съ тамбуриномъ въ рукахъ. Мнѣ сдѣлалось не грустно, а какъ-то особенно скверно, и я опять взялъ за четвертакъ татарскую телѣжку и возвратился на пароходъ.

Возвращаясь на пароходъ, я увидѣлъ съ правой стороны отъ дороги памятникъ, воздвигнутый надъ костями убитыхъ при взятіи Казани царемъ Иваномъ Грознымъ. Это—усѣченная пирамида съ портиками, поставленная будто бы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шатеръ царя грознаго. Печальный памятникъ.

14 сентября.

По случаю принятія новаго груза, пароходъ нашъ простоялъ до 11 часовъ утра у казанскаго берега. Пользуясь этимъ рѣд-

кимъ случаемъ и хотя пасмурною, но не мокрою погодою, я вышелъ на берегъ и сдѣлалъ два абриса: общій видъ Казани, и видъ на Волгу противъ Казани и села Услонь. Возвращаясь на пароходъ, купилъ я у смазливой перекупки соленого отваренаго ляща, и прийдя на пароходъ, задалъ себѣ настоящій плебейскій пиръ. Кромѣ ляща и новопетровской ветчины, заключилъ я свой пиръ головкой чесноку, съ чернымъ хлѣбомъ, и провонялъ не только капитанскую свѣтелку, но всего князя Пожарскаго. Сопутники мои бѣгали отъ меня какъ чортъ отъ ладану. Одна только милая хозяйка и добрѣйшая ея мамаша, Катерина Никифоровна Козаченко, нашли, что чеснокъ, хоть и воняетъ, но не такъ несносно, чтобы при встрѣчѣ со мною необходимо было закрывать носъ, и еще болѣе, чтобы доказать имъ, господамъ нелюбящимъ чесноку, что чеснокъ вещь не только не противная, но даже пріятная, обѣщавшись заказать обѣдъ съ чеснокомъ и обкормить хулителей. Милѣйшая Катерина Никифоровна!

Противъ города Свѣязска прошли благополучно Васильевскій перекалъ (мель) и встрѣтили пароходъ *Адашевъ* Меркуріевской же компаніи. Онъ буксируетъ двѣ баржи съ дровами и одну изъ нихъ посадилъ на мель. Князь Пожарскій попытался было стащить ее съ мели, но безуспѣшно, и пройдя нѣсколько верстъ впередъ, положилъ якорь на ночь, изъ опасенія съѣсть на Вязовскомъ перекалѣ. Выше устья Камы, Волга замѣтно сдѣлалась уже и мельче.

15 сентября.

Проспалъ я ровно до 9 часовъ утра. Надо думать, что это случилось со мною подъ глухой шумъ князя Пожарскаго, потому что со мною этого прежде не случалось ни даже подъ нетрезвую руку. Это на диво долгое спаніе заключилось отвратительнымъ сновидѣніемъ. Меня разбудилъ громъ падающаго якоря, т. е. цѣпи, передъ Ураковскимъ перекаломъ.

Пользуясь сей непродолжительной стоянкой и продолжительнымъ тихимъ переходомъ черезъ сей Ураковскій перекалъ, я нарисовалъ, бѣлымъ и чернымъ карандашомъ, довольно удачно, портретъ Михайла Петровича Комаровскаго, будущаго капитана будущаго парохода; а Сапожникова, за то, что онъ подарилъ мнѣ свои бархатные теплые сапоги.

Въ 10 часовъ вечера князь Пожарскій положилъ якорь передъ Гремячевскимъ перекатомъ.

16 сентября.

Вчера мнѣ ничто не удалось. Поутру началъ рисовать портретъ Е. А. Панченка, домашняго медика А. Сапожникова. Не успѣлъ сдѣлать контуры, какъ позвали завтракать. Послѣ завтрака пошелъ я въ капитанскую свѣтелку съ твердымъ намѣреніемъ продолжать начатый портретъ, какъ началъ открываться изъ-за горы городъ Чебоксары. Ничтожный, но картинный городокъ. Если не больше, такъ покрайней мѣрѣ на половину, будетъ въ немъ домовъ и церквей. И все старинной Московской архитектуры. Для кого и для чего онѣ построены?

Когда скрылися отъ насъ живописные грязные Чебоксары, я снова принялся за портретъ. Но принялся вяло, неохотно. Принялся для того, чтобы его кончить и кончилъ, разумѣется, скверно.

Отъ этой первой неудачи я съ досады легъ спать, и проспалъ прекрасный видъ села Ильинскаго. Вечеру, когда князь Пожарскій положилъ на ночь якорь, и все успокоилось, я, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознаградить двѣ неудачи, принялся переписывать *Собачій Пиръ*, какъ вошелъ въ свѣтелку А. С. съ К. и Н. и ни съ сего ни съ того составилъ у насъ литературный вечеръ. Капитанъ нашъ вытаскилъ изъ подъ спуда Полярную Звѣзду 1824 году и прекрасно прочиталъ намъ отрывки изъ поэмы Наливайко, а Сапожниковъ отрывки изъ поэмы Войнаровскій. Потомъ А. А. пригласилъ насъ ужинать, и какъ это случилось въ 12 часовъ, то за ужиномъ оказалась именинница, а именно бабушка Любовь Григорьевна Явленская. Поздравили и, не одинъ и не два, а три раза поздравили. Потомъ начали отсутствующихъ именинницъ поздравлять, и я таки порядкомъ напоздравлялся.

Не смотря на послѣднее вчерашнее событіе, я сегодня проснулся рано и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за свой журналъ и пока братія еще въ объятіяхъ морфея, буду продолжать *Собачій Пиръ* до новой *перепойки*.

Съ зажженнымъ фитилемъ, приложеннымъ къ орудію, и проч.

17 сентября.

Вчера праздновали именины милѣйшей бабушки Любовь Григорьевны Явленской. Сегодня празднуемъ день рожденія ея милѣйшаго внучка, А. А. Сапожникова. А пока еще грозитъ завтракъ, то я по вчерашнему воспользуюсь безмятежнымъ утромъ и перепису еще одно стихотвореніе изъ завѣтной портфели нашего обязательнѣйшаго капитана.

Спасибо Ивану Никифоровичу Явленскому за то, что онъ отказался отъ завтрака и помогъ мнѣ кончить превосходную прелюдію къ превосходнѣйшему стихотворенію, которое я, если Богъ поможетъ, перепису завтра.

18 сентября.

Не хвалися, идучи на рать...

Вчера вечеромъ путешественники и путешественницы сѣиграли по послѣдней пулкѣ преферанса въ каютъ-компаніи кв. Пожарскаго, рассчитались и расплатились до денежки за все пульки, сѣигранныя въ продолженіи рейса, т. е. отъ 22 августа. Покончивши эту статью, сѣли за ужинъ, приготовленный изъ послѣдней провизіи. Поужинали, разумѣется — въ послѣдній разъ, въ каютъ-компаніи. Выпили послѣдній хересъ, мадеру и, кажется, шампанское, составили проектъ завтрашняго обѣда въ Нижнемъ-Новгородѣ и разошлись спать. Хорошо. Съ разсвѣтомъ князь Пожарскій поднялъ якорь, свиснулъ, фыркнулъ и весело захопалъ своими огромными колесами. Хорошо. Берега быстро мѣняются свои контуры. Пролетаемъ мы мимо красиваго по мѣстоположенію села Зименки, помѣщика Дадьянова. Вотъ, летимъ мы во весь духъ мимо этого замѣчательнаго села, какъ вдругъ лѣвое колесо перестало вертѣться и изъ К. Пожарскаго — дельфина сдѣлалась черепаха. Что случилось? раздался общій голосъ. *Шатунъ* лопнулъ, раздался въ отвѣтъ одинокій голосъ машиниста. Я смекнулъ, что прежде вечера мы не будемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ т. е. прежде вечера не будемъ обѣдать; смекнувши дѣломъ, я пошелъ въ капитанскую свѣтелку, выпилъ добрую чару лимонки, закурилъ ос-

таткомъ новопетровской ветчины, взявъ какую-то газету, легъ да и заснулъ себѣ съ Богомъ. Просыпаюсь, а нашъ К. Пожарскій стоитъ себѣ, тоже съ Богомъ, на Телячемъ бродѣ: Собачій бродъ кое-какъ перенолзъ, а Телячій не вмоготу стало. Чтó дѣлать? Паузиться, т. е. перегружаться. Пауза эта длится до сихъ поръ, т. е. до перваго часу ночи. А путешественницы и путешественники пробавляются натошакъ въ ералашъ, въ ожиданіи Нижегородскаго обѣда.

19 сентября.

Пауза продолжалась за полночь. Съ разсвѣтомъ К. Пожарскій поднялъ якорь и, какъ подстреленный орелъ, захлопалъ однимъ колесомъ своимъ. Взошло солнце и освѣтило очаровательныя окрестности Нижняго-Новгорода. Я хотѣлъ было хоть что нибудь начертить, но увы, дрожаніе палубы при одномъ колесѣ еще ощутительнѣе, а сѣрыя сырыя тучки не замедлили закрыть животворящее свѣтило и задернуть прозрачнымъ сѣрымъ туманомъ живую декорацию. Декорация отъ тумана сдѣлалась еще очаровательнѣе, но рисовать ее рѣшительно невозможно: тучки, небесныя вѣчныя странницы, пустили изъ себя такую мерзость, что я укрылся въ капитанскую свѣтелку и принялся за свои *чувалы* (торбы).

Въ 11-ть часовъ утра К. Пожарскій положилъ якорь противъ Нижняго-Новгорода. Тучки разошлись и солнышко привѣтливо освѣтило городъ и его прекрасныя окрестности. Я вышелъ на берегъ и безъ помощи извозчика, мимо красавицы 17 столѣтія — церкви св. Георгія, поднялся на гору. Зашелъ въ гимназію къ Бобжицкому, бывшему студенту Кіевскаго университета; не найдя его дома, я пошелъ въ Кремль. Новый соборъ отвратительное зданіе. Это огромная квадратная ступа съ пятью короткими толкачами. Неужели это дѣло рукъ Константина Тона? невѣроятно. Далѣе. Приношеніе благодарнаго потомства гражданину Мивину и К. Пожарскому — кофѣечное, позорящее неблагодарное потомство, приношеніе! утѣшительно, что этотъ грошовый обелискъ уже переломился.

Изъ Кремля зашелъ я опять къ Бобжицкому и опять не засталъ его дома. Изъ гимназіи пошелъ я искать въ Покровской

улицѣ, домъ Сверчкова, квартиру А. А. Сапожникова. Нашелъ. И только что успѣлъ поздравить съ временнымъ новосельемъ хозяйна, хозяйку и вообще сопутницъ и сопутниковъ, какъ является Николай Александровичъ Брылкинъ (главный управляющій компаніею парходства Меркурій) и по секрету отъ другихъ объявляетъ—сначала хозяину, а потомъ мнѣ, что онъ имѣетъ особенное предписаніе полиціймейстера дать знать ему о моемъ прибытіи въ городъ. Я хотя и тертый калачъ, но такая неожиданность меня сконфузила. Позавтракавши кое-какъ, я отправился на парходъ, поблагодарилъ моего доброго друга-капитана за его обязательности, взялъ свой паспортъ и передалъ его, вмѣстѣ съ вещами, Н. А. Брылкину. Успокоившись немного, я въ третій разъ пошелъ къ Бобржицкому и на сей разъ нашелъ его дома съ широкораспростертыми объятіями. Въ 8 часовъ вечера я отправился къ Н. А. Брылкину, провелъ у него часа два времени въ дружеской бесѣдѣ, взялъ у него для прочтенія... изданіе и отправился къ Павлу Абрамовичу Овсянникову, на мою временную квартиру.

20 сентября.

До перваго часу лежалъ, читалъ — А въ первомъ часу и отправился къ Сапожниковымъ. Послѣ обѣда проводилъ моихъ старыхъ милыхъ спутниковъ и спутницъ до почтовой конторы, и простился съ ними. Онѣ въ почтовыхъ каретахъ отправились въ Москву. Когда увижусь я съ вами, прекраснѣйшіе люди? Просилъ Комаровскаго и Явленскаго цѣловать въ Москвѣ моего старога друга Щепкина, а Сапожникова просилъ въ Петербургѣ цѣловать мою святую заступницу графиню Н. П. Т — ую. Вотъ тебѣ и Москва! вотъ тебѣ и Петербургъ! и театръ и академія и эрмитажъ и сладкія дружескія объятія земляковъ, друзей моихъ Лазаревскаго и Гулака-Артемовскаго!

Въ 7 часовъ вечера зашелъ я къ Н. А. Брылкину, встрѣтилъ у него Овсянникова и Кишкина и дружеской откровенной бесѣдой заглушилъ вопли такъ внезапно уязвленнаго сердца. Если бы не эти добрые люди, мнѣ бы пришлось теперь сидѣть за рѣшоткой и дожидать указа объ отставкѣ или просто броситься въ объятія красавицы Волги. Последнее, кажется, было бы легче.

21 сентября.

— Сегодня, как и вчера, погода, — дрянь, слякоть и мерзость. На улицу выйти нѣтъ возможности. Изъ-за стѣны Кремля показываетъ соборъ свои безобразные толкачи съ рѣповидными верхушками, и ничего больше не видно изъ моей квартиры. Скучно. Пошелъ къ Н. А. Брылкину обѣдать. Послѣ обѣда, какъ и до обѣда, лежалъ и читалъ Богдана Хмельницкого, Костомарова. Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениальнаго бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулася впередъ въ продолженіи послѣдняго десятилѣтія. Она освѣтила подробности, закопченныя дымомъ фимиама усердно кадимага передъ — — идолами.

22 сентября.

Погода постоянно скверная. Я постоянно лежу и читаю Зиновія Богдана. Прекрасная, современная книга! Отъ нѣчего дѣлать нарисовалъ сегодня портретъ В. В. Кишкина удовлетворительно. Обѣдалъ, по обыкновенію, у Н. А. Брылкина, и по обыкновенію послѣ обѣда читалъ и спалъ.

23 сентября.

Н. А. Брылкинъ ѣздилъ въ Балахну съ мистеромъ Стремомъ, американскимъ инженеромъ, посмотреть на строящійся тамъ пароходъ и баржи для компаніи Меркурій. Отъ нѣчего дѣлать и я напросился имъ сопутствовать. Щегольской, новенькой пароходъ *Лоцманъ*, въ полдень, поднялъ якорь и понесъ насъ вверхъ по Волгѣ. Съ разными остановками, въ 5 часовъ вечера, мы наконецъ остановились у Балахны. Едва успѣлъ вскарабкаться на кучу бревенъ и взглянуть на эту родительницу безчисленныхъ живописныхъ расшивъ, какъ инспекція кончилась и я пошелъ къ лоцману.

Изъ рассказовъ я узналъ, что Балахна одна изъ главныхъ верфей на берегахъ Волги, тоже что на Окѣ Дѣдново, гдѣ строился голандскими мастерами первый русскій корабль Орелъ. Въ

десятомъ часу возвратились въ Нижвй, пообѣдали или поужинали и разошлись спать.

24 сентября.

Утро было хотя и неясное, по крайней мѣрѣ безъ вѣтру и дождя. Воспользовавшись сею безцвѣтною погодою, я съ крилечка моей квартиры начертилъ верхушку церкви св. Георгія. Хоть что нибудь да дѣлалъ.

25 сентября.

Опять дождь, опять слякоть. Настоящее безвыходное положеніе. Старинныя Нижегородскія церкви меня просто очаровали. Онѣ такъ милы, такъ гармонически пестры, а отвратительная погода не даетъ мнѣ рисовать ихъ. Я, однакожъ, сегодня перехитрилъ упрямую погоду. Рано поутру пошелъ въ трактиръ, спросилъ себѣ чаю и нарисовалъ изъ окна Благовѣщенскій соборъ. Древнѣйшая въ Нижнемъ церковь. Нужно будетъ узнать время ея построенія. Но отъ кого? Къ пьянымъ не хочется мнѣ обращаться, а больше не къ кому. Нижній-Новгородъ во многихъ отношеніяхъ иностранный городъ и не имѣетъ печатнаго указателя. Дико! по-татарски дико!

26 сентября.

Нарисовалъ портретъ мамзель Анхень Шауббе, гувернантки Брылкиныхъ; очень милая молодая нѣмочка, рѣзвая, наивная, стоящій мальчикъ въ юбкѣ.

Прочиталъ комедію Островскаго »Доходное Мѣсто«. Не понравилась. Много лишняго, ничего неговорящаго, и вообще аляповато; особенно женщины ненатуральны. Въ скоромъ времени ее будутъ давать на здѣшной сценѣ. Нужно будетъ посмотреть.

27 сентября.

Солнце сегодня взошло свѣтло и весело. Я пошелъ въ Кремль и началъ рисовать соборную колокольню, но руки такъ озябли, оченѣли, что я едва могъ сдѣлать общій абрисъ. Пользуясь улыбкою осенняго дня, я послѣ завтрака отправился къ Печерскому мона-

стырю съ намѣреніемъ нарисовать эту живописную обитель. Выбралъ точку. Прилежъ отдохнуть. И лелѣемый теплыми лучами солнца, задремалъ и такъ плотно задремалъ, что пробнулся уже передъ закатомъ солнца. Возвращаясь на квартиру мимо Георгіевскаго публичнаго сада, я зашелъ въ садъ встрѣтилъ много гуляющей публики обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Между женщинами, какъ на подборъ ни одной не только красавицы или хорошенькой, даже сносной не встрѣтилъ. Кажется, большею частію, старыя дѣвы. Бѣдныя старыя дѣвы!

28 сентября.

Я предложилъ сеансъ моему доброму хозяину Павлу Абрамовичу Овсянникову. Портретъ былъ оконченъ къ двумъ часамъ довольно удачно. Погода прекрасная, я вышелъ на бульваръ. Между прочей публикой встрѣтилъ я на бульварѣ дѣтей, — три дѣвочки и мальчикъ. Прехорошенькія дѣти. Костюмъ ихъ показался и страннымъ и жалкимъ. На дѣвочкахъ были какія-то коротенькія легенькія дырявыя мантильки нѣмецкаго покроя. Ручонки нагія и почти босякомъ. На мальчикѣ поярковая сѣрая шляпа съ перомъ, мантилька такая же, какъ и на дѣвочкахъ, а башмаки еще хуже. Вообще показались мнѣ онѣ похожими на труппу младенцевъ-комедіантовъ. Я дошелъ съ ними до кондитерской, купилъ имъ сладкихъ пирожковъ на полтину и познакомился. Зовутъ ихъ Катя (самая бойкая), Надя и Дуня, а мальчика Сеней; дѣти онѣ нѣкого Арбеньева, театральнаго музыканта. Значить, я не многимъ ошибся. На разставаньи онѣ просили меня къ себѣ въ гости, и я разумѣется общалъ прийти.

Разставшись съ дѣтьми, вспомнилъ я Алексѣя Панфилыча Павнова, крѣпостнаго Паганини, на князѣ Пожарскомъ; онъ зимуетъ въ Нижнемъ, и квартируетъ гдѣ-то противъ архіерейскаго дома. Съ георгіевской набережной пошелъ я къ архіерейскому дому съ цѣлію найти квартиру и навѣстить моего возлюбленнаго виртуоза. Квартиры виртуоза я однако жъ не нашолъ, а мимоходомъ зашелъ въ архіерейскій садъ. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревяннымъ заборомъ, посрединѣ которой красуется, въ родѣ казармы, огромное трехъ-этажное зданіе (архіерейская келья). Невдалекѣ отъ зданія между деревьями, бесѣдки съ

колоколами, и въ другой сторонѣ также между деревьями четы-
ре улья, обдѣланные на подобіе надгробныхъ памятниковъ. Вез-
дѣ пусто и уныло, и нравственный застои на всемъ отражается.
Скверно. Прийдя на квартиру, я, на сонъ грядущій, прочиталъ
Разсказъ маркера, графа Толстаго. Поддѣльная простота этого раз-
сказа слишкомъ очевидна.

1 октября.

Грязь, туманъ, слякоть и протчая атмосферическая гадость.
Велѣдствіе чего я предложилъ сеансъ г. Грассу, зятю Н. А. Брылкина.

Съ сегодняшняго дня начинаются здѣсь спектакли и послѣ
обѣда Н. А. Брылкинъ пригласилъ меня въ свою ложу. Давали
народную сантиментально-патріотическую драму Потѣхина. — *Судъ
Людской не Божій*. Драма дрянъ съ подробностями. Г-жа Моча-
лова, независимо отъ своей бѣдной ватынутой роли, мнѣ поврави-
лась. У ней движенія настоящей артистки. Т. Климовскій, какъ
и роль его, приторенъ. Водевиль, *Коломенскій нахлебникъ*, — во-
девиль балаганный, и исполненъ былъ соотвѣтственно своему назна-
ченію. Маленькій оркестръ въ антрактахъ игралъ нѣсколько номе-
ровъ изъ Донъ-Жуана, Моцарта прекрасно, можетъ быть потому,
что это очаровательное созданіе трудно сыграть непрекрасно. Зала
театра небольшая, но отдѣлана просто и со вкусомъ. Публика, въ
особенности женская, замѣчательно неблестящая и не многочи-
сленная.

2 октября.

Утро ясное, тихое, съ морозомъ, нужно было вчера начатый
портретъ г. Грасса сегодня кончить. я и принялся за работу
съ тѣмъ, чтобы скорѣе кончить и итти къ Печерскому монасты-
рю, съ цѣлію нарисовать его. Но, увы, монастырь этотъ мнѣ не
дается. Кончивши портретъ, я нечаянно, но нелицемѣрно, позавтра-
калъ, прилежъ на минутку вздохнуть и проснулся ровно до двухъ
часовъ. Непростительное свинство! Едва успѣлъ я проснуться,
какъ вошелъ Н. А. Брылкинъ и предложилъ мнѣ итти съ нимъ
на бульваръ погулять передъ обѣдомъ. На бульварѣ встрѣтили мы
нѣкоего господина Я—и. Н. А. откомендовалъ меня сему го-

сподину Я—и. Онъ просилъ насъ къ себѣ обѣдать и мы не отказались. Г. Я—и одинъ изъ Нижегородскихъ аристократовъ, весьма любезный и довольно ѣдкій либераль и вдобавокъ любитель живописи. Онъ показалъ мнѣ свой альбомъ, ни чѣмъ особенно не замѣчательный, и картину плохо освѣщенную. Картину съ большими достоинствами, изображающую молящагося какого-то молодого святаго; выраженіе лица прекрасно. По увѣренію хозяина, эта драгоценность принадлежитъ кисти Гверчино, а потому она больше похожа на хорошую копию съ Доминикино Цампери. Но я хозяину не сказалъ моего мнѣнія, по опыту зная, какъ трудно противорѣчить знатокамъ живописи. На разставаньи онъ взялъ съ насъ слово быть завтра вечеромъ въ клубъ, при выборѣ старшинъ, гдѣ обѣщалъ меня познакомить съ своими товарищами и угостить музыкой; я непрочъ и отъ музыки и отъ знакомства, въ-особенности отъ знакомства. Мнѣ необходима денежная работа, а иначе я долженъ буду обратиться опять за святыми финансами къ моему искреннему М. Лазаревскому. Попробую не удастся ли устранить эту необходимость.

3 октября.

Русскіе люди, въ томъ числѣ и Нижегородцы, многимъ одолжились отъ европейцевъ и, между прочимъ, словомъ клубъ. Но это слово совершенно не къ лицу русскому человѣку. Имъ бы лучше было одолжиться подобнымъ словомъ, — а оно вѣрно существуетъ въ китайскомъ языкѣ—одолжиться бы у Китайцевъ и Японцевъ, если они отринули свое родное слово *посидѣлки*, удивительно вѣрно изображающее русскія дворянскія сборища. У европейцевъ клубъ имѣетъ важное политическое значеніе, а у русскихъ дворянъ это даже и не мирская сходка, а просто посидѣлки. Они собираются посидѣть за ломберными столами, помолчать, поѣсть и выпить.

Послѣ выбора старшинъ, любезнѣйшій г. Я—и представилъ меня своимъ товарищамъ, въ томъ числѣ генералу Веймарну и г. Кудлаю (полиціимейстеръ № 2). Генералъ Веймарнъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ похожъ вообще на прекраснаго простаго человѣка, а г. Кудлай кромѣ того, что не похожъ на полиціимейстера, какъ и товарищъ его Лана, замѣчательнъ тѣмъ, что онъ другъ и

дальный родственникъ моего незабвеннаго друга и товарища, покойнаго Петра Степановича Петровскаго. Много и многое разбудилъ онъ въ моемъ сердцѣ своимъ живымъ воспоминаніемъ о прекрасныхъ минувшихъ дняхъ. Мы съ нимъ до того увлеклись минувшимъ, что незамѣтили какъ настоящія посидѣлки кончились; въ заключеніе усовѣтовали, писать къ брату покойнаго моего друга, Павлу Степановичу Петровскому, чтобы онъ, отложивъ всякое попеченіе, навѣстилъ бы насъ въ Нижнемъ Новѣградѣ и, если можно, захватилъ бы съ собою и моего искренняго Михаила Лазаревскаго.

ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.

П О Э М А

(1648.)

ПІСНЯ ПЯТА.

I.

Блиснѹла зоря;
Біліють поля
Підъ холоднимъ туманомъ.
Чого зібрались
Стари дѣйнѣки
У дуброві за станомъ?

Блиснѹла зоря,
Біліють поля,
Почина́ небо спя́ти.
»Ой не гара́здъ намъ,
Старімъ голова́мъ,
Молодо́го послуха́ти.

»Ой нашъ ота́манъ
Ви́соко лі́та,
Та сіда́е низе́нько:

Що якъ віскъ роставъ,
За слово оддавъ
Рарожинській серденько.

— — —
»Ой чи на те їх по полю
Жують сіроманці,
Щобъ нашъ Голка прислужився
Вродливій панявці?

»Усе поле, всі дуброви
Вороння обсіло,
Розношує наші кісті,
Клює наше тіло;

»А панове, зъ ласки Голки,
Въ Лубвяхъ бенкетують,
Та зъ Еремою на Гадячъ
Потуги готують.

— — —
»Отаману молодому
Теперъ панна світця:
Любо буде на слугъ її
Вставши подивитьця!

»Хай слухають шибеники,
Якъ вороння криче,
Якъ удова по мұжеві,
Синъ по батьку плаче.

»А на Голку верховода
Зберімъ чорну раду. —
Хай зупинить краснимъ словомъ
Людський жаль-досаду!

»Чи такъ лёгко заплакани
 Очі утирати,
 Якъ панянци потай ради
 Кóника сідлати!

»Чи такъ любо зрадникові
 У стовбá стояти,
 Ой якъ любо ясну панну
 На сідло сажати?»

II.

На дейнекахъ босонóгихъ
 Кармазини сяють;
 Шабелькáми шляхецькими
 Бúдники лискають.

Не боятця завзяті
 Панцёрного полку:
 Бúбнять въ бúбни, визивáють
 На чóрний судъ Гóлку.

Вийшовъ Гóлка середь ради,
 Вклонівся низенько.
 Коло ёго панцёрники
 Лáвами близенько.

»Браті моі рідні,
 Шанóвна громадо!
 Маєте ви козацьке завзяття,
 Та не тимъ завзяттямъ
 Силою сліпою —
 Визволятця усі вáші брáття.

»Браті моі любі!
 Тоді слобонітця
 Відъ Ляхівъ неситихъ Україна,

Якъ у всіхъ убогихъ
 И у всіхъ заможныхъ
 Б'уде воля и д'ума єдина.

»Бачите ви добре,
 Якъ Ляхі лукаві
 На погібель васъ у замогъ заманили.
 Не йняли ви віри
 Мойму характерству,
 Та й багато люду марне погубили.

»Моє жъ характерство
 Не на те здалося,
 Щобъ людську кровъ д'урно розливати:
 Навчивсь я науки,
 Щобъ людей відъ м'уки,
 Не гнівлячі Б'ога, визволяти.

»Ви чорную раду
 На мене зозвали —
 Стою передъ вами, въ вашій волі.
 Не те міні страшно,
 Страшно, що безъ мене
 Не б'уде вамъ у походахъ щастя-д'олі.

»Знайте, браття, підкопана
 Уся Україна —
 Відъ Гадача до Глухова,
 Зъ Лубенъ до Любліна.

— —

»Підъ церкви зъ будинківъ панських
 Прок'опані ходи —
 На упадокъ и погібель
 Тёмному народову.

— —

»Треба пильно тихъ лукавихъ
Ходівъ дозирати.
Що йдуть съ палатъ та до церквѣвъ,
Съ церквѣвъ у палати.

»Якъ освітимъ деннимъ світомъ
Тіи темні ходи,
Тоді тільки буде користь
Изъ Жовтої Води, —

»Буде користь зъ Солоніці,
Зъ Альти, съ Корсунціни:
Не запряжé у корми́гу
Шляхта України!

»Не мой жъ се, чесне браття,
Не мой наука:
Иде вона одъ Исуса —
Відъ діда до внука.

»Що хотіте, те й чиніте —
Я у вашій волі,
Тільки прошу — не згубіте
Української долі!«

III.

Зашуміли въ лузі
Дуби кучеряві:
Загукали Галячане
На дейвєцькі лави:

»Ой ви, волоцюги,
Розбишáцькі діти!
Гей, лóчче бѣ вамъ по комшáхъ
Низовихъ сидіти; ⁴⁷

»Лучче бѣ доглядати
Мурáвського шляху,
— —

»Лучче бѣ вамъ зъ лихими
Жити ушкалами. ⁴⁹
Аніжъ раду радувати
Зъ нами, козаками!

»Буде зъ васъ, що нашихъ
Батьківъ підманили, ⁵⁰
На кривавій Солоніці
Голодомъ морили.

»Буде зъ васъ, що шляхту
Дурно дратували,
И зъ лукавимъ Остряніномъ
Въ стени повтікали. ⁵¹

»Не слухайте, браття,
Хижого бурлацтва;
Хай панъ Голка порядкує
У нашихъ козацтві.

»Молодій вінъ сокілъ,
Та жваво літає:
— —

IV.

Добре було бѣ, добре
Жити на сімъ світі,
Колибъ можна було діла
Одного глядіти.

Була бѣ зъ насъ громаді
Праведна послуга...
Атò вкралась козакові
У серденько туга.

Міжъ козацтвомъ Гóлка
 Мовъ по пúщі блúдить,
 И кóника воронóго
 Пíдъ собóю нúдить. ⁵²

Ой чи тоби, Гóлко,
 Отаманувáти,
 Чв до Лубéнь крутоáрихъ
 Дорóгу верстáти,

Та впасти до нíжокъ
 Пáнни молодéвськíй,
 Роспорóти бíлі грúди,
 Показáть сердéнько?

»Ой глянь, пáнно, въ сéрце,
 Чимъ вонó палае. —
 Що дрúтого, пáнно, Гóлки
 У свíті немае...«

Мáрне слóво, мáрне,
 Чужáя дружино!

— —

Мáрне твоé, Гóлко,
 Сéрденько палае:
 Хто родíвся недолáшкóмъ,
 Той Ляхóмъ сконáе

»Ой сéрце гарáче,
 Огнénная дúшо!
 Чимъ же я васъ погасíти,
 Де втопíти мúшу?

— —

»Погашú я сéрце
 Працею тяжкóю,
 Затоплú огнénну дúшу
 Дякою людськóю.

»Ворогі лихіі,
Ви сліпіі люде:
Не знаєте, яка користь
Зъ мене міру буде.

»Не на те піднявсь я,
Щобъ кровъ розливати:
Я піднявсь, щобъ темноті
Очі осяяти.

— —

ПІСНЯ ШЕСТА.

I.

Ой усяке на сімъ світі
Про своє гадає:
Хто про долю України
Та про славу дбає.

А хто зъ брата у захисті
По дві шкірі лупить,
А якъ йнший, то й прилюдне,
Що попаде, цупить.

Величалися дейнеки
Будинковимъ лупомъ;
Поставляли шибениці
Зъ викопанимъ трупомъ,

И, попівшись, сумували,
Що Жиді съ кагалу,
До приходу панцерниківъ,
Усі повтікали.

»Чорті батька знає, мовляли,
 »Що теперъ чиніти!
 Якъ и царство небесное
 Въ Бѣга заслужити!

»А киньмося лишень, брата,
 По склепахъ церковнихъ:
 Тамъ багато на шляхецтві
 Перстенівъ коштовнихъ.

»Та й якого ката буде
 Шляхта тамъ лежати,
 И страшного того суду
 Мовъ у прѣсі ждати?

»Ге! замкнуто!... Колякою
 Підъ дѣри підперто!
 Мабуть, страшно запорозькихъ
 Гайдамакъ и мѣртимъ.

»А кѣте лишъ, підкотіте
 Підъ цѣркву гармату:
 Вона заразъ намъ очинить
 Мертвѣцькую хату».

— »Гвалть! рятуйте!« изза дверей
 Жиди закричали.

— »Оттакá ловись, панове!«
 Та й зареготали.

Регочутця гайдабурі,
 Гармату ристують,
 Відъ радощівъ підъ собѣю
 И землі не чують.

»Оттеперъ-то, пані брата,
 Дождались ми панства,
 Ще й у Бѣга заслу́жимо
 Небесного царства!

»Оттеперъ-то полатаємъ
Свої драгі бѣки:
Постоли бѣдуть сап'яні,
Шовкові волѣки!«⁵³

Ой торѣхнула-ревнула
Мідяна гармата, —
Захиталась, відчинилась
Метвѣцькая хата.

Повалило съ хати димомъ,
Мовъ у гуті зъ груби;
Мовъ голова Одамова,
Вищерила зѣби, —

Посипалась цѣгла, ванна;
Двері, мовъ у пѣкло,
Роззівились, розширились...
»А щѣ, Жиді? тѣпло

»Нагонили ми вамъ хату?
Не такъ, якъ бувало
Ми въ холѣднихъ вашихъ корчмахъ
На лавахъ конали!«

Мовчять Жиді, ані телѣнь,
Нигдѣ не озвались;
Тільки вѣтхі домовини
Скрізь пороскривались.

Виглядають жѣвгі кѣсті —
Чи вже наступила
Та година страшѣнная,
Щѣ дѣшу томіла, —

Сѣмно стало гайдамакамъ,
Сѣмно міжъ грѣбами,

Мовъ мерці до нихъ озвѣлись
Мертвими устами.

II.

»Люде добрі! ось двітєсь:
Жидівська намітка!
Утікала, та й втерѣла
Чортова Жидівка.⁵⁴

»Гляньте, въ двѣрцяхъ завязнула!
Сі двѣрці на хори.
Ой тамъ вони, вражі сині,
Ой тамъ людомори!»

Стрепенулись, поринули
Въ церкву гайдабури, —
Застогнали, заплакали
Церковні мурі.

Притаїлась изъ Жидами
Ходачкова шляхта.
Коло батьківъ та матірокъ
Діти — якъ писклята.

Притаїлися уніти,
Що Ляхамъ служили
И съ ксєнзами неписьмєнну
Простоту дуріли.

»Ага! ого!» загукали
На їхъ гайдамаки.
»Такъ ви усі сюді збіглись,
— — собаки!

»Добре, Жиди! добре, шляхто!
Добре, довгополі!

Будуть живіва въ насъ ряснійші,
Ніжъ на панськімъ полі.

»И за се вамъ дякуємо,
Що ви свої тлумки
И скринькі всі позносили
Намъ на подарунки.

»А що, Жиді: чи важче вамъ
Золото втеряти,
Чн свої погані душі
До чортякъ послати?

»Бачте, до чо́го доводять
Ваші кляті карби, ⁵⁵
Що самі намъ позносили
Незлічені скарби!

»А ти, шляхто ходачкова,
Пані оконіми,
Людські п'явкі безсердечні,
Дрібні грошолови!

»Ви зъ Жидами накладали, ⁵⁶
Іхъ робомъ ходіли,
То съ пархами й поляжете
У одній могилі.

»А за те, що въ васъ жидівська
Удача ледача,
Домовиною вамъ буде
Утроба собача.

»А що жъ вамъ — —
Маємо сказати?
Ви самі въ церквахъ привікли
Людей поучати.

»А виходь лишть, поторóчо,
 На амбóнь висóкий, —
 Чи й до слóва, якъ до їжи,
 Въ тебе ротъ ширóкий?«

Не злякалась поторóча,
 Стáла на амбóні;
 Казать казань поторóчі
 Нíхтó не борóнить.

Отця й Сина мугікнула,
 Ще й Дýха Святóго.
 »Ой слúхайте, пані шляхто,
 Прорóчого слóва!

»Роскувáлось хiже хлóпство,
 За грíхí шляхéцькі, —
 Нехай справлять у-остáвне
 Великъ-день збоёцький. 57

»Ой викуе на їх шляхта
 Сталéвнi úзди, —
 Ой не вийде хамське ко́дло
 До сýду изъ нýжди!

»Ой викуе на їх шляхта
 Залізнi кайдáни, —
 Махáтиме хамське ко́дло
 До сýду цiпáми!«

Ой якъ грюкне оружіна
 Изъ довгого дýла, — 58
 У ширóкий ротъ — —
 Засвистáла кúля.

Застогнáли живi люде
 И въ склецú шкелéти;
 Заблищáли списi, шáблi,
 Загулi мшкéти.

III,

Хто жъ то въ цѣркву увалився
Изъ панцѣрнимъ полкомъ?
»Стійте, стійте, людюди!«
Крѣкне грізно Голка.

Ой труситця въ тѣмнімъ бѣрі
Звѣрь відъ ріку лѣва:
»Чогó тобі, отамане,
Чогó відъ насъ трѣба?

»Ой се наша здобиченька!
Нашъ се заробітокъ!
Наша вдача! наше щастя!
Козацький пожитокъ!«

— »Огляньтєся, навѣженні!
Триста самопалівъ
Плечѣ съ плечѣмъ... Моргну́ усомъ—
Ляжете снопами!

»Ви на радї мали волю,
А я — після радї:
Моє слово має силу
Цілої громади.

»Хто звелівъ вамъ, хто дозволивъ
У цѣркві буйти?
Чи такімъ же, якъ ви, людямъ
Цѣркву руйнувати?

»Зруйнувавши, наробите
Мусору та пілу,
Та й ляжете собаками
Въ собачу могилу.

»И томú, хто ёй словомъ
 Умівъ руйнувати,
 Не дали у три дні нову
 Цёркву збудувати.

»На крові ёго будують
 Капища нечисти,
 А по світу хóдить-тúжить
 Духъ ёго пречистий.

»Збудуетця цёрква нова,
 Підъ нёбо знесётця,
 Якъ истини вичне слово
 На весь миръ пролетця;

»Якъ забудуть братівъ браття
 Мужиками звати;
 Якъ у всіхъ насъ на Україні
 Одна буде мати.»

Ой не впи́нить душі Гóлка,
 Річъ, якъ по́відь, рине...
 Хто жъ то ёй зрозуміє
 На всій Україні?

Пову́рились гайдабури
 Вь зёмлю головою,
 Почу́хали потилицю,
 Махну́ли рукою:

»Вь тёмъ, отаманъ, тво́я воля, —
 Хай му́ръ застаётця,
 А що шляхти та Жи́дові,
 То вже не минётця!«

— »Не дозволю кровъ людськóю
 Марне розливати!
 Хай втікають, куди знають,
 До польско́ї шляхти.

»А добро́, що наздира́ли
 Зъ убо́гого люду,
 На потре́би військові
 Обёрнене бу́де.«

— »Эге-ге! такъ оттакі
 Вміешъ ти співа́ти?
 А, бо́дай же більшъ нікому
 Сєго́ не чувати!

»Хибá жъ тільки въ Бо́га й світу,
 Що въ твоімъ віконці?
 Ще жъ не згáсло галага́номъ
 Козацькеє со́нце! ⁵⁹

»Зостава́йся жъ изъ Жида́ми
 Та зъ мо́тлохомъ па́нськимъ,
 А ми бу́демъ промишля́ти
 Звича́емъ коза́цькимъ.

»Зостава́йся, добромъ на́шимъ,
 Якъ Жидъ, розжива́йся,
 Та за Дніпра́, изза Бо́гу
 Гостєй сподіва́йся!«

IV.

Позайма́ли гайдама́ки
 Усі ба́лки п байра́ки,
 Всі доро́ги степовіі
 Й всі стежки́ луговіі.
 Відъ Лубе́нь до Кременчу́ка
 Була́ шляхті й Жида́мъ му́ка.
 Ні пробітись, ні прокра́стись,
 Ані въ гру́бі захова́тись.
 Що ні ша́бля, ні рушніця
 Противъ нихъ не помішніця;

Що ні сукні, ні шкатули
Відъ хижацтва не влизну́ли.

Оберну́ли гайдабури
Па́нські ха́ти въ кучугу́ри, ⁶⁰

— —
Па́нські тру́вки попива́ли,
Въ па́нські гу́сли вигравáли,
У са́нъя́нцяхъ танцюва́ли,
Закаблúки відбивáли.

Позайма́ли волоціо́ги
Всі прова́ля и яру́ги.
Де моги́ли, де прикме́ти,
Тамъ ча́тують їх бекéти.
На ко́никахъ вигравáють,
Шабелька́ми поверта́ють, ⁶¹
Панце́рниківъ прокли́нають, —
Хмельни́цького вигляда́ють.

V.

Уже́ жь чо́рна га́лічъ
Изъ усéго світу
На Укра́їну позита́лась;
Де бу́ло бурла́цтво, —
Лугарі, дейне́ки,
На пожіву, на гу́льню збіра́лось.

Воро́ни зъ грача́ми
По звалища́хъ гру́ють,
А по пу́сткахъ вовки́ завива́ють;
Кречети́ зъ орла́ми
По шля́хахъ шуму́ють, ⁶²
Шибеникамъ о́чі ви́дають.

Тільки посумують,
 Слухавши тихъ співівъ,
 Въ візні часи, рідний братъ изъ братамъ,
 Що їхъ пращуръ тихий,
 Богобоязливий
 Стався пляхті безсердечнимъ катомъ.

ПІСНЯ СЕМА.

1.

Ой у Лубняхъ крутоярихъ,
 У високімъ замку,
 Сидить пишаний князь Ерема
 На тисовімъ ганку.

Не читає князь Ерема
 Лістівъ издалека:
 Перетявъ усі дороги
 И стежки дейнека. ⁶⁵

Ой приходять до Ереми
 За вістями вісті:
 Повтікало драгоні
 Тисяча п двісті. ⁶⁶

Повтікали, поскидали
 Шапочкі рогаті,
 Та наділи козацькні
 Кучми волохаті.

Широкая околиця
 И вершокъ низенький ⁶⁷
 Плавле-тоне въ помийниці
 Якъ гвилі опеньки.

Похілиста шапка-кучма
 Изъ вѣрхомъ чорвонимъ
 Скаче, крутитця, басуе
 На воронимъ коню.

Годі тобі, пишній князю,
 Ловити парогівъ: ⁶⁸
 Порá тобі вибірáтись
 Въ далéку дорóгу.

Годі соболя держáти
 На срібнімъ ланцюзі: ⁶⁹
 Ой ужé жь твоя княгиня
 У великій тузі. ⁷⁰

Годі, князю, за грáнці
 Зъ Москвою змагáтись: ⁷¹
 Порá зъ Лубéнь зо всімъ ко́дломъ
 Въ Пóльщу вигребáтись. ⁷²

Мавъ ти, князю, изъ дорóгв
 Чéнцівъ завертáти: ⁷³
 Прийшло́сь тобі у козацтва
 Дорóги питáтись:

»Ой козаки! якъ до Пóльщи
 Втра́нити зъ обóзомъ?
 Що по Дніпрú ви пáлите
 Усі перевóзи?

»Въ Кременчúці, у Черкасахъ,
 У Каневі, въ Ржі́щахъ
 Стоіте ви залóгами
 Въ старіхъ таборі́щахъ.« ⁷⁴

— »На́ що тобі, пишній князю,
 Дорóги питáти?
 Лучче тобі манівцáми
 Зъ Лубéнь простувáти. ⁷⁵

»Ой до тебе, пишній князю,
Збіглась уся шляхта:
Червоні навкругъ тебе,
Якъ червчата плахта.

»А міжъ тими втігачами
Рарожиньська панша,
Яснобка чарівниця
На ввесь Гадячъ славна.

»Вміла вона відъ козацтва
Вночі утікати,
То зуміє й тобі, князю,
Дорóгу вказати.

»А ми тебе зустрінемо
Не разъ и не двічі,
Та заглянемо гарматами
Тобі, князю, въ вічі. ⁷⁶

»Веди, князю, за собою
Конеі табунами,
Щобъ було чимъ поділитись
На прощання зъ нами.

»Бери вина, меду й пиво
У бочкахъ дубовихъ,
Щобъ було чимъ привітати
Козаків лейстрóвихъ.

»Бери шати дорогіі,
Сукні едамашки,
Щобъ було чимъ запобігти
Козацької ласки.

»Бери, князю, срібні кубки,
Зъ золотомъ шкатули,
Щобъ твого ми проважання
Дóвго не забули:

»Проважали ми Ерему
 »Зъ Лубень до Прилўки, —
 »Добре, добре нагрівали
 »Коло ёго рўки!

»Провожали ми Ерему
 »За вóди Днїпрови, —
 »Поміняли своé рямъя
 »На жупани нові.

»Проважали, рахували:
 »Чи ёго пускати,
 »Чи въ тáборі до гармати
 »Ёго привувати?»

»Ой настала тво́я, князю,
 Остáнна годіна:
 Збунтувала́сь навкругъ тебе
 Уся Україна.«

II.

Не бугай, не круторогий
 Въ отарі гуляє:
 Князь Ерема кризь козацтво
 Дорогу вертає.

Ой не медъ-пьяни́е-чóло ⁷⁷
 Бóчку розриває:
 Князь Ерема изъ шляхтою
 Хлóпецтво розганяє.

Ой не піво на про-дівó ⁷⁸,
 Играючи кієне:
 Князь Ерема изъ шляхтою
 Гайдамацтво тїсне. ⁷⁹

Бережіся, пішній князю,
 Дніпрової води:
 Не стивайся съ козаченькомъ
 Княжецької вроди!

Козакъ Голка по Вкраїні
 Шұлякомъ шугає;
 Де крути́тця — горде панство
 Якъ птаство втікає.

Козакъ Голка сшива́ со́тні
 На живу́ю рұку:
 Породила ёго́ ма́ти
 На шляхецьку мұку!

Ой де ста́не — земля́ та́не —
 Підко́пи рика́ють:
 Куди́ гля́не — трава́ вя́не —
 Ворогі́ зника́ють. ⁸⁰

III.

»Ой ви, хло́пство тупори́ле,
 Безу́мни гла́ви!
 Не вь-дога́дъ вамъ, якъ ми, панство,
 Добува́емъ сла́ви.

»Есть у мене увъ обози

— —

Ой вінъ міні у напастяхъ
 Вели́кий засту́пникъ. ⁸¹

»Вивізь я ёго́ изъ Риму
 Відъ Отця́ Свято́го;
 Ой вінъ зна́є, якъ скрути́ти
 Голку́ молодого.

»Бо на сповіді спасенній
 П'анночка сказала, ⁸²
 Кого серденькомъ дівочимъ
 Щиро покохала.

»Покохала необачна
 Во рога лихого
 Браттівъ-шляхти, віри, Церкви
 И Отця Святого.

»Покохала бідолашня,
 Та й захорувала,
 И въ недүзі відъ прелата
 Тайни не сховала.

»Такъ Господь намъ посилає
 Помічъ не сподійну,
 Що ми слүжимъ костелові
 И папіжю вірно.

»Ось побачите, що зможе
 Ціава віра въ Бóга:
 Утікати намъ помóже
 Козацька залóга.

»А якъ Богъ дасть, що зъ обóзомъ
 Дніпрó перебóдемъ,
 То ще й Гóлку на росправу
 У рўки добóдемъ.

»Їго крóвью гарячою
 Зміємъ гріхъ дівочий
 И вїставимъ шибеника
 Передъ ва́ші очі!«

IV.

»Чи то справді, паві браття,
 Чи уві сві снітця,

Що нашъ Голка передъ княземъ
У шанцяхъ тіснитця?

»Чи то справді, пані браття —
Не ймемъ очямъ віри —
Що нашъ Голка у наметі
Плаче надъ папіромъ?

»Малесеньке, тонесеньке,
Попісане криво,
Та зъ отаманомъ хоробримъ
Чинить такé диво!

»Ой панове! се жъ писала
Панна чарівниця!⁸³
Якъ намъ Голку відходити,
Що квізя боітця?»

— »Отаманна сивоусе!
Ви вікъ звікували,
Та гіршого надъ всі гóря —
Любощівъ не визна́ли.

»Отаманна сивоусе!
Ви вікъ звікували,
Солóдшого надъ всі щáстя —
Любощівъ не визна́ли.⁸⁴

»Ой ристгуйте ви гармати,
Мортири бомбóви,
Тільки дайте міні глянуть
На чóрнії брóви.

»Ой стреляйте и рубайте
Зъ ранку до півночи, —
Да́йте, да́йте міні глянуть
У любні о́чі.

»Ой велика серцю радість
 Ворога зломити,
 А ще більша, а ще вища —
 Щиро полюбити.

»Ой велика душі мука
 Изъ світомъ прощатись,
 А ще більша, а ще гірша —
 Дружини зрікатись.

»Отамання сивоусе!
 Чинить мою волю:
 Гей, поставляйте ви чати
 По чистому полю.

»Нехай густо зачатують
 Бітую дорóгу,
 Щобъ ніхто не змігъ чинити
 Князеві трівóгу.

»Хай Ерема зъ упокоємъ
 Двіпрó перебу́де,
 Ні óдного скарбóвого
 Во́за не позбу́де.

»Хай втікає изъ нащадкомъ
 Въ добрую годину:
 Не вертатись ёму съ Польщи
 До насъ на Україну!»

Ой вволили старі волю
 Гóлки молодóго,
 Не зосмілились промовить
 Отаману й слова.

V.

Хóдить Гóлка надъ водою —
 Тяжко серце бьётця;

Їго вóрогъ, ёго лóтпий
Зъ рáдощівъ смієтця.

Хóдить Гóлка та сумує
Сéрцемъ оди́нокимъ;
Їго вóрогъ опивнiвся;
За Днiпрóмъ ширóкимъ.

Позирає на сей бéрегъ,
Потирає рúки:
»Завдámъ, завдámъ козакóви
Страшénної мýки!«⁸⁵

Ой не рáдуйсь, пiшний князю,
Що закiнувъ ўдку:
Хóдить Гóлка та голубить
Висóбую думку:

»Клiчешъ менé, мо́я зóре,
На тáйну розмóву, —
Не почúю я до-вiку
Кохáного слóва!

»Ой оглúхну, занiмiю,
Згнiтú свою дúшу,
Сéрце лéдомъ заморóжу,
Мóвчки вмéрти мúшу.

»Дорогá ти мiнi й рiдна,
Сéрденько дiвчiно,
А дорóжша и рiднiйша
Мáти Украiна.

»Не почúю... бо не змóжу
Сéрця зупинiти.
Не побáчу... не здолiю
Я безъ тебе жiти.

»Ой шіроко, ой глібоко
 Думкою займаю,
 А ще шіршу, а ще глібшу
 Я надію маю.

»Де посіяти, зростити
 Благодатну волю,
 Якъ не въ насъ на Україні,
 На кривавімъ полю?

»Ой засію я надії
 И думи високі
 У козацькій, у лицарській
 Натурі широкій.⁸⁶

»Ой нехай мої надії
 Бúдуть мої діти:
 У сёрденьку гарячому
 Любо їхъ носити.

»Роспинались добрі люде,
 Щобъ у раї жити,
 А міні — аби не зникли
 Мої діти зъ світу.

»Ой то рай мій, вічне царство,
 Награда відъ Бóга!

— — 87

ІСНЯ ВОСЬМА.

1.

Братъ на брата гóстрить шаблю.
 Наступає ббемъ, —
 Величає ёго шляхта
 Вітяземъ, гербемъ.

Братъ відъ брата утікає,
Кріетця въ хатині, —
Узиває ёго шляхта
Ха́момъ на Україні.

Чи́е жъ діло передъ Богомъ
Пра́ведне, висо́ке?
Кого́ лю́бо озира́є
Небе́снее о́ко?

Ой чи тихъ, що після пра́ці
Гуля́ють съ панáми,
Ой чи тихъ, кого́ за пра́цю
Вінча́ють терна́ми?

Неха́й своїхъ вихваля́ють
Панóве съ трибу́ни,
А про на́шихъ заигра́ють
Банду́рні стру́ни.

Неха́й своїмъ кўкли ста́влять
Коро́лі, княжа́та,
А про на́шихъ бідола́шнихъ
Запла́чуть дівча́та.

Ой не до́вго тобі, Го́лко,
Отаманува́ти,
Характе́рствомъ чужозе́мнімъ
Ворогі́въ ляка́ти.

Ой не до́вго тобі, Го́лко,
Голу́бить надію,
Що Украї́на вже не пі́йде
Въ лиху́ різноцію.

Ра́но, ра́но ти, мій о́рле,
Підня́всь воюва́ти,
Необáчнихъ, безтала́ннихъ
Ро́зуму навча́ти.

Сіешъ, сіешъ по Вкраїні
 Ярую пшеницю, —
 Лиха доля родить-плóдить
 Нікчёмну мітліцю.

Сіешъ правду, сіешъ рóзумъ
 И світь передвiчній, —
 — —

Дóвго, дóвго Україна
 Сліпа й глуха бóде:
 Засліпили, заглушили
 Лукавні люде.

II.

Ой за Дніпра та за Бóгу
 Хмара наступає:
 Панъ Хмельницький Кривонóса
 Въ похóдь виражає:

»Иді, іді, Кривонóсе,
 Тóю стороною,
 А я пійдú понадъ гiрью
 Слідóмъ за тобою.

»Иді, іді, Кривонóсе,
 Та влови Ерему.
 Якъ улóвишь, дúже вгóдишь
 Сёрденьку моёму.

»Ще жъ, мій дру́же, е тамъ Гóлка;
 Сіає красою,
 И прослáвивсь на Вкраїні
 Нарiвні зо мною.

»Ой якъ змóжешъ ёму, дру́же,
 Вкоротити віку, —

Не забúду я послúги
Твоєї до-віку.«⁸⁸

III.

Ой зза Дніпра та зза Бóгу
Хмáра наступáе;
Грачівъ ключа й чóрнихъ гáлокъ
На сей бiкъ стягáе.⁸⁹

Чи то грачі, чи то гáлічъ,
Чи хiжі дейнiки
Роспускають по Вкраїні
Загони далекі?

»Ой не довго будешъ, Гóлко,
Верховóдить військомъ!
Втікай, втікай, вражий сiну,
Изъ шляхтою нiшкомъ.

»Ой умiвъ ти гáрну здóбичъ
У насъ віднiмати;
Зумiй теперъ, вражий сiну,
Противъ насъ стоáти!«

IV.

Чогó, чогó въ Кривонóса
На бiкъ нiсъ скривiвся?
Не застáвъ въ Лубнiяхъ Ерeми —
Зá чуба схопiвся.

Чогó въ дейнiкъ босонóгихъ
Потóмленi кóні?
Не настiгли — удáрились
Руками объ пóли.

Не настїгли вони князя
 На бїтїй дорозї,
 Перечули черезъ люде,
 Що вже на тїмъ боці.

»Кривоносе, старїй батьку!
 Стягуї свою сїлу,
 Рятуй, рятуй відъ зрадника
 Україну мїлу!

»Ужé жь Гóлка, по́тай вїйска,
 Сь княземъ накладáе,
 Усю шляхту, все Жидівство
 Вь Пóльщу выпуска́е,

»Ой удáрмо, Кривоносе,
 На панцérнї лáви,
 Хай ледáщо не ка́яе
 Козáцької сла́ви.

Ой не бїйтесь, панї брáття,
 Чужоземськихъ шáнцівъ,
 Ой удáрмо, розженїмо
 Гадячáнъ-погáнцівъ!»

V. 90

Ой не встїгъ же козáкъ Гóлка
 На кóннеа сїсти,
 Стáли ёго панцérниківъ
 На капúсту сїкти.

Ой не встїгъ же козáкъ Гóлка
 На кóннеа впа́сти,
 Стáли Гадячáнъ голїннихъ
 Ягь скóпники кла́сти.

Ой якъ стисне коза́къ Го́лка
 Коня́ острога́ми;
 Оступіли ёго́ ла́нці
 Зъ го́лими шабля́ми.

Оступіли,—мовъ ко́ло́ссямъ,
 Шабля́ми укря́ли.
 Не зломіти га́йдабу́рамъ
 Ли́ца́рської си́ли! ⁹¹

Поверну́вся ли́царь Го́лка
 На пра́вую ру́ку;
 Куди́ гя́не, туди́ гя́не,
 Всю́ди по́вно тру́ну. ⁹²

Ой не взи́ти вамъ ли́царя
 Го́лими рука́ми. ⁹³
 У́же жъ ва́ша га́йдама́цька
 Тече́ кровъ ри́ками.

»Кривово́се, о́рле хи́жий!
 Налі́тай бли́зенько,
 Чи не влúчишъ до́вгимъ спи́сомъ
 У са́ме серде́нько.«

—»Ой вели́ке характе́рство!
 Намъ ёго́ не вби́ти. ⁹⁴
 Тре́ба, бра́ття, срі́бнимъ гу́дзькомъ
 Рушні́цю наби́ти.« ⁹⁵

Чи то ко́лосъ середъ ни́ви
 Підъ ві́тромъ схили́вля,
 Чи то Го́лка уро́дливий
 Съ коня́ покоті́вся?

Покоті́вся,—кінь воро́ний
 Попа́дъ Дніпро́мъ гра́е.
 Съ то́го бо́гу князь Ере́ма
 Лю́бо позира́е.

Покотівся,—довгогрівий
 По пісочку скоче;
 На тімь боці Рарожінська
 Тяжко-важко плаче.

VI.

Не вважали гайдабури
 На козацьку вроду,
 Рвали тіло по кусочку,
 Кідали у воду. ⁹⁶

»Оце тобі, чарівнице,
 Ті карі очі,
 Що ти любо цілувала
 Темненької нощі!

»Оце тобі, чарівнице,
 Тее личко павське,
 Що ти йому зопсувала
 Завзяття козацьке!

Оце тобі, чарівнице,
 Серце те лукаве,
 Що ти всімь намь убавила
 Козацької слави!»

VII.

Тіхо Дніпро Славутиця,
 Тіхо въ море летця.
 На тімь боці Рарожінська
 Въ сирю зємлю бьетця:

»Красо моя! зь золотими
 Шати берегами!

Якъ же міні въ світі жити
Поміжъ ворогами?

»Красо моя, пішна вродо!
На що ти здалася!
Щобъ я марне кателіцтва
И панства зріклася?

»Чи на те жъ я побачила
Середъ ночи сонце,
Щобъ дивитись на світъ Божий
У панське віконце?

»Чи на те жъ міні відкрились
Таємніці темні
Въ тому серці гарячому,
Въ тій душі огнєвній?

»Ой серденько гарячєє,
Огнєнная дүшо!
Підъ водою у Славіті
Найти я васъ мүшу!»

VIII.

Ой злінула лебедиця
Зъ бєрега крутого —
Поривати та шукати
Погляду яснєго.

Ой злінула лебедиця
Изъ скєлі крутої —
Поривати та шукати
Розмови любєї.

Чи то жъ біла лебедиця
Вьєтця міжъ лугами:

Чи то тóнуть зъ золотíми
Шáти берегáми?

»Ой панóве, вірна шляхто!
Кíдайтесь у вóду,
Вірятуйте чóрні брóви
И пішную врóду.«

—»Товáриші гайдамáки!
Хто зъ васъ дóбре плáвле?
На тихъ шáтахъ пóвно злáта,
Дорогóго кáмня.

»Мáбуть, щíро чарівніця
Гóлку покохáла,
Що ті шáти дорогíи
Що-дня надівáла.«

Шкóда, шкóда вірній шляхті
Плáвати човнáми:
Потонúла пішна врóда
Съ чóрними бровáми.

Шкóда хижому дейнécтву
Невídь роскидáти:
Не покажутця до-віку
Дорогíи шáти.

IX.

Нí шляхéцьке, нí дейнécьке
Не побáчить óко
Дорогóго и святóго
У Дніпрі глiбóкімъ.

Не про васъ, панóве, дбае
Чíстий Духъ зъ духáми,
Якъ на зéмлю посилáе
Дíво мiжъ двáми.

Не на те васъ, тёмні люде,
Породила ма́ти,
Щобъ Дніпрóві таємниці
Сёрцемъ прозира́ти.

Прозира́ють у Славу́ту ⁹⁷
Зъ ўста до верши́ни
Не-спанілі, не-схлопілі
Діти України.

И покi диві́тись б́дуть
У Дніпрóві во́ди,
Пóти б́дуть сёрцемъ ч́ути
Давні́ пригóди.

Ой багáто у Славу́ті
Дiвного, свято́го;
Найдивні́ше — щiре сёрце
Гóлки молодóго.

Ростёрзане, крiва́вее,
Бъ́тця підъ водо́ю
И всю во́ду исповня́е,
Ду́мою свято́ю.

Ой багáто у Славу́ті
Красотi таiтця,
А найкраща́ — Рарожiнська,
Пáнна-чарiвни́ця.

Щiре сёрце до тíплого
Лóня пригорта́е
И дiвóчою слiзóю
Ра́ни заживля́е.

Лю́бо сёрцю крiва́вому
Підъ водо́ю бiтись.
И на сей свíтъ крiзь ту ду́шу
Кохáну диві́тись.

А на Йвана на Купала
 Зъ воді пánна рíне
 И обхóдить, въ білихъ шáтахъ,
 Усію Україну.

»Ой ти менé, Україно,
 Кохáння навчíла:
 Кого стрíну надъ Славúтомъ,
 Дамъ у сéрце сілу.

»Перебу́де всяку мýку,
 Перебу́де гóре,
 И квіткáми заспа́е,
 Якъ весно́ю по́ле.

»Ой ти менé, Україно,
 Навчíла любíти:
 Въ кого сéрце кривáвее,
 Мúшу исцїлíти.

»Перестáне кровъ гаряча
 Сéрце обливáти:
 Заспоко́ю, приголу́блю,
 Якъ дитíну ма́ти.«

И багáто безталáннихъ
 Пáнна зустрíчала,
 И у сéрце сцїлю́щї
 Чáри проливáла.

И моé кривáве сéрце
 Скронíла слéзою, —
 Напо́їла сцїлю́щою,
 Живóю водо́ю.

Обновíлась, я́ко óрля,
 Юно́сть мого сéрця;
 Роспусти́ла душá крíла,
 Пісня ллетця, ллетця....

П. Кулiшъ.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ ПОЭМЪ »ВЕЛИКІ ПРОВОДИ.«

47. — Стр. 34. ст. 28.

*Гей, лѣчче бѣ вамъ по комшиахъ
Низовѣхъ сидѣти;*

Въ низовьяхъ Днѣпра были мѣста, заросшія густыми комышами, дававшими убѣжище людямъ, не довольно сильнымъ для защиты себя отъ преслѣдованія польскаго правительства. Чумаки временъ Екатерининскихъ рассказываютъ о разбояхъ *комышниковъ*. Вѣроятно, и въ эпоху возстанія Хмельницкаго комыши укрывали того же сорта людей. Въ современной перепискѣ пограничныхъ воеводъ Московскаго государства съ польско-украинскими урядниками часто упоминаются степные разбойники, неподчиненные никакой власти и ни для кого неуловимые. Происхожденіе ихъ должно быть то же самое, что и комышниковъ. Запорожцы временъ Выговскаго различаютъ себя, въ оправдательномъ письмѣ къ гетману, отъ бездомныхъ бурлакъ, и называютъ себя *козаками-зимовчакѣми*. Всегда существовало у козаковъ различіе между козаками *старыми, природными*, и между людьми новыми въ козачествѣ или недостаточно воинственными, какъ въ наше время дѣлается различіе между дѣтьми *отецькими* и бездомными наймытами. *Лѣтопись Самовидца* (стр. 11) отзываясь съ негодованіемъ объ ополченіи, присвоившемъ себѣ названіе козаковъ (оно не щадило и единовѣрцевъ своихъ): »И на тотъ часъ тутъ великая людямъ всякого стану значнымъ была и наруганія отъ посполитыхъ людей, а наибольше отъ гуляйства, то есть отъ броварниковъ, винниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймитовъ, пастуховъ, же любо (хотя) який человекъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкаго войска, тилько мусѣлъ, задля позбыти того насмѣвска и нестерпимыхъ обидъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и тѣи мусѣли у войско приставати до того козацтва.«

48. — Стр. 35, ст. 2.

*Лѣчче бѣ доглядѣти
Муравьскаго шляху*

На Варшавскомъ сеймѣ 1646 года назначена была коммиссія на *dokończenie granic i zaczętego ductu i prowadzenia go aż do szlaków Morawskich*. (Volumina Legum, IV, 88, изд. 1859, стр. 45.) Муравскій

шляхъ описанъ подробно въ *Книжь Большою Чертежа*. Такъ какъ восточныя окраины Польскихъ владѣній, ограниченныя этимъ шляхомъ, были почти вовсе незаселенныя равнины, то, естественно, по нимъ разгуливали шайки своевольныхъ людей, живясь грабежомъ на большой торговой дорогѣ, а лишь только въ Украинѣ начинались волненія, они являлись ловить въ мутной водѣ рыбу.

49. — Стр. 35, ст. 4.

*Лучше бѣ вамъ зъ лихіми
Жіти ушкалами.*

Ушкалы — разбойники, вѣроятно, то же, что великорусскіе ушкунники, разъѣзжавшіе на судахъ *ушкунякъ*. Въ думѣ о Федорѣ Безродномъ *безбожені* ушкалы изранили козака и гонялись за его чурю. По ходу повѣствованія видно, что это разбойники водяные:

Чи то гуси кричять,
Чи лебеді ячять,
Чи ушкалі гудуть,
Чи, може, козакі Дніпромъ идуть?

50. — Стр. 35, ст. 11, 12.

*Буде зъ васъ, що нашіхъ
Батьківъ підманіли.*

Этотъ упрекъ можно подтвердить слѣдующими словами Окольскаго (Dyaryusz, str. 108): I tak Ostrzanin zwiódłszy wielu regestrowych, przycisnąwszy uboższych, zagnaawszy z miast i siódł po niewoli niewinnych ludzi, szub, srebra, koni, zdobywszy wszelkiej im po wygranej naobiecowaawszy, potem gdy ich do potrzeby przywiódł, gdy obaczył, iż już tysiącami leżą, mięsa dosyć i ściervu, sam uciekać od nich myślił.

Между козаками и простыми поселянами часто происходили несогласія. Не разъ случалось такъ, что козаки поднимали безоружную чернь къ возстанію и потомъ, въ трудное время, бросали ее на произволь судьбы. Характеръ Наливайка до сихъ поръ очень двусмысленъ въ исторіи. Въ его пользу говорятъ народныя пѣсни, противъ него — письменные памятники; но, каковъ бы онъ ни былъ лично, неуспѣхъ его дѣла долженъ былъ возбудить въ народѣ ропотъ противъ его сообщниковъ, представителями которыхъ являются, въ поэмѣ, хищные дейнеки.

51. — Стр. 35, ст. 13, 14.

*И зъ лукавимъ Острияціномъ
Въ стени повтікали.*

По милости Конискаго, натворившаго довольно великодушныхъ героевъ между козацкими предводителями, гетманъ Острияця долго считался мученикомъ народной свободы. Изъ дневника Окольскаго и современныхъ бумагъ оказывается, что онъ не только бѣжалъ съ поля битвы съ конными

козаками, но и готовился заблаговременно, въ случаѣ неудачи, бѣжать въ Московскія владѣнія. Оставленное имъ войско отчаянно, но безуспѣшно защищалось надъ Сулою нѣсколько недѣль. Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ рукописей С. Петербургской Публичной Библіотки и Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. в оцтаве Вожего Ціаля (пшшетъ панъ Хршонстовскій къ коронному гетману) woysko nasze ruszyło zpod Łubien ku Slepороду (rzeczka ta iest błotnista y trudna do przebycia) naprzeciw Ostrzaninowi, cze° się on nigdy nie spodziewał, ale w tym Siekieraninie miał nadzieie, że konie woysku naszemu zagarnie y temi wertebami y łuchami iako vbiezy Łubnie, aby on z miasta, a Ostranin z pola na woysko nasze vderzyc mogli. Obaczywszy tedy nad sobą woyska inopinate, harcownika iednak wyprawił nie mało y piechoty z kilka tysięcy, alec naszy za łaską Bożą zaraz to zpędzili y asz w tabor wpędzili; zaraz potom armate zatoczono y z gory potężnie bito do taboru; lecz prędko noc zaszła, a on, widząc, że około niego zle, zarazem zlekczywszy tabor zawade porzuciwszy, armate ieno wzięwszy, nazad do Łukomla począł vchodzie. Nazaiutrz rano, obaczywszy naszy, isz Ostranin vszedł, zaraz Je^oMP Gdeszynskie° z kilka Chorągwi za nim Je^oMP Wdic posłał, aby go zabawiał, nim by tabor nasz y z armatą przez ten Slepород przeprawiac się mogła. A wtym ten Siekierany wracał się nazad prosto ku Slepородu, spodziewaiąc się swoich zastac, y napadł inopinate na tabor naszych Regestrowych, mniemaiąc że swoi, prawie w tabor z swymi ludzmi począł vchodzie. Postrzegszy, że nie swoi, nazad, ale zaraz Regestrowi po nim, samego poimali Siekieranego, na ktorego radzie wiele przestawał, a prawie iego głową Ostranin szedł y woiował. Tenze to powiedział potom, że Ostranin tey woyny konczyć nie myśli, ale vciec chce do Białogrodu Moskiewskiego, gdysz tam y zone iusz wywoził y inna Starszyna, iakosz po dwa kroc zpod Łukomle vciekał, ale go zawsze czern dogoniała y potom na pilnym oku miała go z inemi. Potym zasz woysko nasze odwrot vczynic musiało — — gdyby nie te czaty — — na moscie Łukomlskim zbiliby, za pomocą Bożą Ostranina, ktory, mniemaiąc, by woysko ozaz wszystko nastepowało, począł iuz (iako potom ięzyki zapewne twierdziły) przemyslawac, tabor porzuciwszy, vchodzie, a postrzegszy, że ieno kilka chorągwi, od mostu odwiódł te chorągwie nasze, odstepuiąc a pozwalaiąc onym przez most łatwego przescia. — — Ostranin — — dowiedziawszy się o wzięciu Siekieranego y pogromie tego pułku swego, chciał ku Moskwie znou na Rumno vchodzie, alec czern przemogła, aby na doł Sulą ku Dnieprowi vchodzil, a Dnieprem ku Zaporozu, zaczym ta strona, iako więtsza, zmogła, y tak na doł Sulą vchodzil. Alec woysko nasze nie mniety spieszney za nim szło. W Łukomlu na most y na gaci przeprawuiąc się y asz przednie Pulki z Xcia Je^oMci Jeremiasza ludzmi doszli Ostranina rowno z switem w niedzile nizey Żołnina Słobody Xcia Je^oMci Jeremiasza; tam zaraz, nie daiąc taborzyc się temu hultajstwu abowiem dniem y nocą vchodzil, zaraz pułk skoczył Je^oMPWdzica Braclawskiego. — — Te Chorągwie zaraz w puł tabor rozerwały y wszystkie prochy y cztery dzialka odieły, ktore dla odcięcia koni nasi porzucili, a oni znou odyskali. Zywnoe wszystkie ktorey mieli dosyc odieli. Skode w nich wielką w tych zdraycach czynili, tak dafece, że iusz od taboru w błota vciekała piechota,

a Ostranim sam wpływ przez Sułę z swym komunnikiem, którego wiele po tej stronie Suły od Peryasławia na dol vciekającego widzieli. Ostatek taboru który Kudza — z Peszlą rządili, zaraz iednak taborzyc poczezi y prawie wszystkie te Chorągwie otoczyli, ze we srodku zostały. Wtym Xze Je^oM. trzykroc wsparty od tych zdraycow strzelbą z swym Pulkiem, za trzecim razem pszelamał dziure tym Chorągwiom, które z ciękoscią wielką a z vtraceniem swym z taboru wybili się. — (Польскій отдѣлъ рукописей, № 94, стр. 604 — 613.) О пребываніи жень Острианицы и его подручниковъ за московскимъ рубежомъ свидѣтельствуеть слѣдующая отписка въ Москву путивльскаго воеводы Никифора Плещеева: »Юля въ 3 день (1638) пришли въ Путивль Запорожскіе Черкасы 2 человека съ листомъ отъ гетмана Запорожскаго отъ Яцка Остриинна, для сыску жонъ своихъ; и онъ Микнѳоръ, роспрося ихъ и взявъ у нихъ листь, отпустилъ ихъ назадъ въ Литву«. Въ добавокъ ко всему, рассказанному въ реляціи Хржонстовскаго, въ этой отпискѣ говорится, что въ письмѣ къ нему отъ другого гетмана, Дмитрія Тимоѳѣева, (виднo—преемника бѣжавшаго Острианицы) написано: »Которые Черкасы выѣхали въ Путивль, а съ собою много добрыхъ людей невинныхъ душъ и животовъ поймали, и Путивльскій бы воевода тѣхъ Черкасъ посадилъ въ вязенье до тѣхъ мѣсть, какъ они другихъ своихъ посланниковъ въ Путивль пришлютъ, а тѣхъ бы невинныхъ душъ, которыхъ съ собою невинно завезли, и животы ихъ, напрасно поиманные, нынѣшнимъ ихъ посланникамъ отдаи.« (Дѣла Малоросс. Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ, 1638, связка № 2.) Рукописи С. Петербургской Публичной Библиотекы также свидѣтельствуеть о подобныхъ поступкахъ героевъ козачества, этихъ истинныхъ учениковъ побитаго ими дворянства. Въ фоліантѣ Польскаго отдѣла, подъ № 94, на стр. 707—709 читаемъ письмо гетмана Жолкевскаго къ королю, 1639 года, изъ Мигулинецъ: *Jusz tesz tu w drodze dał mi znać Pan Commissarz, że po odiezdzie moim Hunia, który hetmanił swawolenstwu przeciwko wojsku WKM i z kilką inszych Principalów we trzech set koni do Ostranina do Moskwy (т. е. въ Московскія владѣнія) przez wszelkiej przyczyny vciekł. Pisałem ja tak rok pisałem i przeszlą poszlą do IMX Canclerza, prosząc aby się WKM tego zdrajce serio vpomniec raczył, który tak wiele tysięcy ludzi gwałtownie z Panstw WKM do Moskwy wypendził i oni ich nad pacta pryieli y poniewolnie trzymaia.*

52. — Стр. 36, ст. 1 — 4.

*Міжъ козацтвомъ Голка
Мовъ по нѣщі блудить,
И коника вороніо
Підъ собою нудить.*

Здѣсь авторъ хотѣлъ, но не сумѣлъ, подражать слѣдующимъ превосходнымъ стихамъ народной пѣсни:

*Зашуміли густі лози
Козаківі при доробі;
Сюдї блудить, тудї блудить,
Підъ собою коня нудить.*

53. — Стр. 39, ст. 3, 4.

*Постоли́ будуть сап'яні,
Шовкові волоки.*

Въ народной пѣснѣ:

Хвалился гайдамаки,
Пидь Умань идучи:
»Будемъ драти, пани-брати,
Съ китайки онучі!«

54. — Стр. 40, ст. 3 — 6.

*Люди добри! ось дивітєсь:
Жидівська намітка!
Утікала, та й стеряла
Чортова Жидівка!*

Подобный случай былъ въ 1654 году на Подоли, когда Поляки взяли приступомъ мѣстечко Бушу. »Семьдесятъ женщинъ успѣли скрыться въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Но нѣкоторыя, бѣжавши, потеряли свои намитки. Это замѣтили слуги,« и пр. См. Богд. Хмельн. Н. Костомарова, II, 457.

55. — Стр. 41, ст. 11, 12.

*Бачте, до чо́го доводять
Ваші клятві карби,*

Несчастные потомки Моисея, Давида, Соломона, великодушной Юдиен, добродѣтельной Эсеири, прекрасной Сусанны, разсѣянные по всему свѣту, воспользовались превосходствомъ умственныхъ способностей своихъ на счетъ иноплеменниковъ и, сдѣлавъ деньги своею силою, своею защитою и спасеніемъ отъ изувѣрства послѣдователей новаго, иногда искажаемаго и потому недостойнаго въ глазахъ Евреевъ ученія, сдѣлались почти у всѣхъ, между кѣмъ они жили, предметомъ ненависти и омерзѣнія, какъ іероглифъ собственнаго мотовства и безпорядочности, какъ живой укоръ въ беззаботности о будущемъ и неумѣяніи устроить свое благоденствіе въ настоящемъ. Не зная, какъ истребить эту язву, естественно возникавшую тамъ, гдѣ гражданское и общественное тѣло не имѣло здороваго строенія, короли и магистраты придумывали противъ Жидовъ стѣснительные законы, а народъ, при всякомъ безпорядочномъ волненіи, истреблялъ ихъ сотнями и тысячами. Такъ поступали съ ними и наши козаки, безсознательно вымечая на нихъ политическіе и общественные грѣхи свои. Вотъ обращикъ, какъ относились къ Жидамъ старинные статуты, за ихъ способъ обогащенія. »Лихва Жидовская не имѣетъ нигды насыщенія: про то мы и рада наша уставляемъ, абы Жидовъ... непріятедьвъ вѣры христіянскоѣ, и на лихву пенези дають, не имѣють большъ брать на недѣлю, только 10 пѣнезь... пѣнези давають на записы, а лихвы не дають два годы, чтобы ся ихъ лихва множила; а у тыхъ двухъ годѣхъ не упо-

миваются, ани на судъ ведутъ: а по двухъ годѣхъ, уже имъ далѣй нѣтъ лихвы жадноѣ, и ни записомъ имѣють поминать... а ни тотъ, кто ся имъ записалъ, не иметъ имъ запису... полнить.» (*Акты Западной Россіи*, I, 13.)
 «Колѣ жъ жидовскій умыслъ и злость ихъ есть на то, какъ бы христіянство обажили,» и пр. (стр. 20.)

Кърби, о которыхъ говорится въ поэмѣ, были нарѣзки на палочкахъ взятой въ долгъ горѣлки, или черточки меломъ и углемъ на стѣнѣ. Изъ преданій о гайдамакахъ 1768 года, напечатанныхъ въ *Запискахъ о Южной Руси*, видно, что поселяне всего больше ожесточались на Жидовъ за начеть долговъ, посредствомъ *кърбівъ*.

56. — Стр. 41, ст. 19.

Ви зъ Жидами накладати,

Слово *накладати* (совмѣстно злоумышлять) сдѣлалось въ украинской рѣчи рѣдкимъ. Въ народной пѣснѣ поется:

Мазѣпо гетьмане,
 Израдливий пане!
 Злѣе почпнаєшь,
 Зъ Шведомъ накладаєшь...

57. — Стр. 42, ст. 16.

Великдень збоецький.

Збоецький — разбойничій. Польскія слова были тогда у всѣхъ въ употребленіи. См. проповѣдь, напечатанную Н. М. Бѣлозерскимъ при изданныхъ имъ *Южнорусскихъ Лѣтописяхъ*.

58. — Стр. 42, ст. 25, 26.

*Ой якъ грѣкне оружіина
 Изъ довгого дѣла, —*

Слова: *оружіина* и *дѣла* могутъ показаться не совсѣмъ украинскими. Въ рѣшеніи подобныхъ сомнѣній всего лучше опираться на изустную народную словесность. Въ одной пѣснѣ поется:

Сидѣть козакъ на могилі,
 Зъ оружіина огонь крѣше;
 Скѣлки ломать, розкладає,
 Въ свої рани заглядѣє.

Въ другой:

Одинъ в дѣ за чуприну,
 Другій дѣла бѣе:
 «Ой не ході, вража дѣко,
 Де голѣта пѣ!»

39 — Стр. 45, ст. 11, 12.

*Ще жъ не зійло галаганомъ
Козацькее сонце!*

Слово *галаганъ*, выговаривающееся также и *галаганъ* (головня), сохранилось только въ фамильномъ имени дворянъ и козаковъ Галагановъ. Мнѣ случилось, однакожь, слышать его въ устахъ народа, и именно въ домѣ покойнаго Н. В. Гоголя. Сельскій мальчикъ, рассказывая мнѣ безтолковую, скучиѣйшую сказку, наградилъ меня за терпѣніе слѣдующими словами: *у попелі галаганъ, запічняя іскра*. На вопросъ мой: что такое значитъ *запичняя іскра*? онъ отвѣчалъ, что, вытопивши печь, хозяйка зарываетъ въ золу *галагана*, т. е. головню съ огнемъ, чтобы сохранить хоть искру для разведенія огня назавтра.

Козацькимъ сонцемъ называется луна. Это названіе указываетъ на то время, когда козаки должны были вести жизнь воровскую, поспартански, и промыслять своимъ ремесломъ больше всего по ночамъ. Воровство у нихъ было преступленіемъ только въ отношеніи къ товариству. Еще и автору случалось слышать отъ старожилловъ такіе рассказы о Запорожцахъ: «У їхъ, якъ хто не краде, то заразъ козаки й грімають: *Чого лежнемъ лежіймъ? дурно хлібъ їси!*»

61. — Стр. 46, ст. 13, 14.

*На коникахъ виравіють,
Шабельками повертають,*

Эти два стиха взяты изъ народной пѣсни, приведенной въ примѣчаніи 6-мъ къ этой поэмѣ.

62. — Стр. 46, ст. 23—27.

*Ворони зъ градами
По званицахъ гріють,
А по півсткахъ вовки завивають;
Кречети зъ орлами
По степяхъ шуміють,*

Слова *гріють* и *шуміють*, не встрѣчающіяся уже болѣе въ народной рѣчи, взяты авторомъ изъ старинной народной думы:

Закряче воронь, гагрѣе, зашумѣе,
Та й полетить у чужю зѣмлю.

Тамъ же и кречеты помѣщены, какъ здѣсь, рядомъ съ орлами:

Закуркуютъ кречети сізі,
Загаддюця брликки хіжі.

65. — Стр. 47, ст. 13, 14.

*Перетявъ усі дорѡги
И стежки дѣйнѣка.*

Слово *дѣйнѣка* употреблено здѣсь въ томъ смыслѣ, какъ говорится: *Стала дешѣва сѣль, то чумакъ такъ и поринувъ на озѣра; или: Бжолá такъ и граѣ рѡями.*

66. — Стр. 47, ст. 17, 18.

*Повтѣкало драгонїи
Тїсяча и двїсти.*

Панъ Черный къ пану Юрію Оссолинскому, 25 мая, 1648: *Хиáже Wisniowiecki ma osm tysięcy woyska, lecz im nie ufa, bo Ruś.* (*Акты Кїевской Коммиссїи, I, 3-я нумер., стр. 26.*)

Адамъ Кисель къ архїепископу Гнѣзненскому 31 мая, 1847: *тамъ takie od moich Slug zbiezalych z Zadniepru wiadomoścї, ze Хиáже Jmc, gdy mu się assystemia iego ex eadem gente zgromadzona zmykac poczęła, musiał consulere sobie z garsciá Slachty Polskiej, i Slug swoich uiedzac w Braclawskie Woiewodstwo.* (Тамъ же, 30.)

67. — Стр. 47, ст. 23, 24.

*Ширѡкая окѡлиця
И вершѡкъ низѣнький*

Въ нарѡдой пѣснѣ:

А у Ляхѡ вершѡкъ незький,
Ширѡкі опушки.

68. — Стр. 48, ст. 5, 6.

*Гѡдї тобї, пїишнїй князю,
Лѡвити рарѡвѣ:*

Въ *Малорос. Дѣлаъ* Моск. Архива Иностран. Дѣлъ, связка № 1, 1648 года читаемъ въ письмѣ князя Іеремїи Вишневецкаго къ бѣлогородскому воеводѣ, князю Прозоровскому, отъ 2 декабря, 1647: »Извѣстно вамъ да будетъ, что я, на прямую потребу мою и съ моею грамотою, черезъ слугу моего Яна Семашка съ Несокъ посылаю и стрельцовъ своихъ для рароговъ, спїрїчѣ кречатовъ...« За обиду этимъ людямъ онъ дѣлаетъ такую угрозу: »повелю въ маестности моей Заднѣпровской вашихъ купецкихъ людей позабирать и самъ управу чинить...« *Лѣтопись Самовїдца* (стр. 7), исчисляя нанесенныя отъ пановъ козакамъ обиды, говоритъ: »Зъ Запорожья, черезъ поля дикїе, зъ рарогомъ, яструбомъ, орломъ, съ хортомъ козака бѣднаго

шлетъ (панъ, сдѣланный полковникомъ или другимъ козацкимъ старшиною) въ города, кому подарокъ шлючи, якому пановѣ, не жалуючи козака, хочай бы згинуль, якъ не трудно отъ Татарь.» Изъ всего этого видно, что не легко доставалась стрѣльцамъ князя Вишневецкаго панская забава.

69. — Стр. 48, ст. 9, 10.

*Годі соболя держати
На срібнімъ ланцюзі:*

Изъ Pamiętników Paska мы знаемъ, что любимую панскою забавою были освоенные дикіе звѣри и птицы. Адамъ Кисель не разставался съ ними и въ далекой дорогѣ. Въ *Малор. дѣлахъ* Моск. Архива Иностранн. Дѣлъ, въ связкѣ подъ № 1, 1648 года, сохранилась отписка сѣвскаго воеводы къ царю, въ январѣ, 1647: «... какъ шолъ отъ твоего царского величества съ Москвы Адамъ Кисель, и въ Болховѣ у него, у Адама Киселя, утекъ соболю съ чепью серебряною, а у брата ево Александра Киселя — гончая собака; и того соболя и собаку, по твоему государеву указу, изъ Болхова велено прислать къ намъ. — Да какъ, государь, того собаку и соболя мы, холопи твои, къ Адаму Киселю отошлемъ, и о томъ бы намъ, холопомъ твоимъ, отписать къ тебѣ, великому государю. И изъ Болхова, государь, Микнеоръ Давидовъ писалъ къ намъ, холопомъ твоимъ, и прислалъ того соболя и собаку декабря въ 27 числѣ, и мы, холопи твои — — послали съ Сѣвскими пушкари. — —»

70. — Стр. 48, ст. 11, 12.

*Ой уже жъ твой княгиня
У великій тѣзі.*

Этими стихами авторъ хотѣлъ напомнить читателю о женѣ князя Вишневецкаго, Гризельдѣ, дочери Юмы Замойскаго, которую онъ такъ любилъ, что козацкая лѣтопись его кроваваго времени записала, въ числѣ достойныхъ замѣчаній событій, ихъ невольную разлуку на той сторонѣ Днѣпра. Грабянка (стр. 32): «Князь Вишневецкій — — поиде (изподъ Збаража) до обозу своего подъ Чолганскій Камень, а княгиню свою до Бѣлого Камѣня отосла, которая, раздѣляющися, зъ плачемъ поднесши зѣницѣ въ небо, рекла: О каменіе! коль далече за Вислу границу намъ замѣраете?»

71. — Стр. 48, ст. 13, 14.

*Годі, князю, за граніці
Зъ Москвою тягаться:*

Въ дѣлахъ, упомянутыхъ въ прим. 69 къ этой поэмѣ, идетъ большая переписка о притязаніяхъ князя Вишневецкаго на земли, присвоенныя на ничьемъ пограничьи имъ и Москвою. Онъ упорно отстаиваетъ каждый ступень своей земли, не предвидя, что скоро потеряетъ цѣлое государство по сю сторону Днѣпра, и московскіе межевщики одному его упрямству приписываютъ невозможность докончить разграниченіе между Московскимъ и Польскимъ государствами.

72. — Стр. 48, ст. 15, 16.

*Порá зъ Лубѣнь зо всімъ кóдломъ
Въ Пóльщю ви́ребáтись.*

Живописное слово *ви́ребáтись* заимствовано изъ посланія полковника Мартына Пушкаря къ кievскому митрополиту Діонисію Балабану: «...все войско изъ Запорожья выгреблося и зъ городовымъ войскомъ Запорожскимъ до купы и до рады енеральной знялося...» (*Акты Зап. Россіи*, V, 10).

73. — Стр. 48, ст. 17, 18.

*Мавъ ти, князю, изъ дорóмъ
Чѣнцивъ завертáти.*

Монахи Густынского монастыря, при наступленіи военной грозы, рѣшились, подобно прочимъ чернецамъ и черницамъ, убраться заблаговременно изъ Украины въ Московское государство и уложили на возы все монастырское имущество, въ томъ числѣ образа, книги и все, что можно было увезти съ собою, а скотъ угнали напередъ; но князь Вишневецкій остановилъ ихъ и объявилъ монастырь, основанный и обогащенный его предками, своею собственностію. Объ этомъ сохранилась интересная переписка въ *Малор. Дѣлахъ* Моск. Архива Иностран. Дѣлъ.

74. — Стр. 48, ст. 27, 28.

*Стоитѣ ви залóгами
Въ старі́хъ таборі́щахъ.*

Изъ брошюры кievскаго бискупа Юзефа Верещинскаго, подъ заглавіемъ: *Publika*, написанной въ 1597 году, видно, что Украина сохранила отъ времени княжескихъ множество окоповъ и даже кирпичныхъ сооруженій. Въ брошюрѣ между прочимъ говорится: ...ieno patrzamy na stojące puste horodyszczca albo zamki, patrzamy, niestetyż, na stojące tylko mury puste, gdzie niedźwiedzie, wilcy a świnie dzikie się w nich legną, a przedsię nas to nie porusza; gdyż to, mali się prawda rzec, iż ninacz inszego godno raczej tak tych horodyszcy albo murów pustych na tem tam Zadnieprzu albo na Ukrainie nie chowamy, jedno na baszty nieprzyjacielom swoim pogranicznym, aby oni to powoli pobrawszy, jakoż już i Moskwa na to pochuchiwa sobie, osadzili, a ztąd nas bezpieczniej wojowali a posiadali. (Стр. 18.)

75. — Стр. 48, стр. 29—32.

*На що тобі, пі́шній князю,
Дорóмъ питáти?
Лү́че тобі мані́вцями
Зъ Лубѣнь простувáти.*

Козаки могли такъ говорить по воспоминаніямъ былого. Окольскій въ Діаріушѣ (стр. 16) пишетъ, что въ 1637 году, когда Павлюкъ поднялъ на

Украинѣ такую же тревогу, какъ черезъ одиннадцать лѣтъ Хмельницкій, Адамъ Кисель вмѣстѣ съ другими богатыми панами z majetności swej z zdrowiem uchodzić i nie gościńcem własnym musieli. Toż i inni panowie, a zwłaszcza w Wiśniowieczynie czynili. Lepsze łyczane zdrowie, niż jedwabna śmierć, прибавляетъ войсковой проповѣдникъ Потоцкаго, ale u takiego chłopstwa i śmierci jedwabnej niemasz. owszem wszelkiej ignominii i tyranidis pełna.

76. — Стр. 49, ст. 15, 16.

*Та залянемъ гарматами
Тобі, князю, въ вічі.*

Старожилы, бесѣдуя съ авторомъ о козацкихъ походахъ, выражались иногда такъ: *Що жь, хочь и одарять на Ляківъ, коли нічимъ у вічі залянути: гарматъ нема! пороку нема!*

77. — Стр. 50, ст. 21.

Ой не медь-пьяне-чболо

Медь подъ этимъ названіемъ упоминается въ думѣ о Ганжѣ Андыберѣ, которой лучшей списокъ напечатанъ въ *Запискахъ о Южной Руси*. Важныя дополненія напечатаны недавно въ *Абеткѣ*, изданной г. Гатцукомъ.

78. — Стр. 51, ст. 25.

Ой не пиво на про-диво

Говорится на *про-чудо*. Почему же не сказать и на *про-диво*?

79. — Стр. 51, ст. 28.

*Князь Ерема изъ шляхтою
Гайдамацтво тисне.*

Манера описанія битвъ князя Вишневецкаго съ козаками и нѣкоторыя обороты замѣтованы изъ народныхъ пѣсень, указанныхъ въ другихъ примѣчаніяхъ къ этой поэмѣ.

80. — Стр. 51, ст. 13 — 16.

*Ой де стане — земля таве —
Підкони рикають;
Куді ляне — трава вяне —
Ворогі зникають.*

Народная поэзія доводитъ иногда краткость выраженія до темноты. Надобно долго изучать ее, чтобы наконецъ насладиться ея манерою выражать мысли и чувства пѣвца. Напримѣръ, то, что здѣсь выражено четырьмя стихами, въ народной пѣснѣ заключено въ двустипше:

*Ой де стане — земля таве;
Куді ляне — трава вяне.*

Говорится о воинѣ, осаждающемъ Львовъ. Вѣроятно, это — темное воспоминаніе о Богданѣ Хмельницкомъ, обращенное въ свадебную пѣсню.

81. — Стр. 51, ст. 23, 24.

*Ой він міни в злихъ напастяхъ
Великий заступникъ.*

Ks. Piotr Skarga, Kazania Seymowe, str. 19: Do tego czasu (oczyzna) kapłany wam i biskupy i duchowne pasterze wasze daje, przy których przystęp do łaski bożej i obrony od wszystkich nieprzyjaciół macie.

82. — Стр. 52, ст. 1, 2.

*Бо на сповіді спасенній
Панночка сказала,*

Тамъ же, стр. 66: Spowiedź sama w katolickiej wierze dziwnie ludziom do cnoty i dobrych obyczajow pomaga, karność onę mając, której żaden urząd świecki mieć nie może, w której skryte i serdeczne grzechy i złości gina, co dziwnie rzpltej pomaga.

83. — Стр. 53, ст. 13, 14.

*Ой панове! се жъ писала
Панна-чарівниця!*

Вообразать женщину, участвующую колдовствомъ своимъ въ военныхъ дѣлахъ, было въ то время естественно. Авторъ брошюры О Buntach za Chmielnickiego рассказываетъ, что у охочекомоннаго полковника козакаго Дунца (Донца?) была сестра чародѣйка, предостерегавшая его отъ опасностей. Въ русскомъ переводѣ эта брошюра названа *Краткою Исторією о Бунтахъ Хмельницкаго*. М. 1847. (См. стр. 12.)

84. — Стр. 53.

Оба эти куплета основаны на слѣдующихъ стихахъ народной пѣсни:

Пливѣ щюка зъ Кременчука,
Луска на ий сѣе.
Хто не знаѣ закохання,
Той ліха не знаѣ.
Пливѣ щюка съ Кременчука,
Філю розбиваѣ.
Хто не знаѣ закохання,
Той щастя не знаѣ.

85. — Стр. 55, ст. 9, 10.

*»Заво́дѣмъ, заво́дѣмъ козаківі
Страшенно́ї мѹки!«*

Эти слова авторъ вложилъ въ уста князя Вишневецкаго, зная его жестокосердную мстительность. Карая самыми ужасными муками взбунтовав-

шихся противъ него Немировцевъ, отъ восклицалъ: »Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умирають!« *Hist. Polska, przez Rudawskiego, I, 37.*

86. — Стр. 56, ст. 9 — 12.

*Ой засію я надії
И дѣлми високі
У козацькій у лицарській
Натурі широкій.*

Злѣйшіе враги украинской демократіи признавали въ ней высокія душевныя свойства. Такъ очевидецъ войны пановъ съ Павлюкомъ и Остриномъ, Окольскій, въ началѣ продолженія своего дневника (*Continuacya Dyaryusza wojennego, etc. str. 81*) пишетъ.... *jest to hostis Patriae niemały, który z szczęścia chłopskiego się cieszy* и т. д. А на стр. 101 говоритъ: *Pokazał tedy pierwszą tą utarczką Bóg, iż lubo między Kozaki niemasz żadnego książećcia, senatora, wojewody, z którymi się w potrzebie żołnierz gąłasował, ale jednak takowi są chłopi, że gdyby prawa nie zagradzały contra plebejos uczynione, jako przedtem było, naleźliby się i tak godni, aby ich et Quinctio Cincinato, qui ab aratro ad dictatoriam былъ wezwany, atque Themistocli virtute par nazwano.*

87. — Стр. 56.

Характеръ вымышленнаго Голки основанъ на главныхъ чертахъ Немирча, главнаго двигателя всей Виговщины. Эта поэтическая личность стояла далеко выше своего вѣка. Изъ уваженія къ ней, авторъ не рѣшился примѣшивать къ ней въ романѣ или поэмѣ вымысла, и создалъ Голку, имѣя въ Немирчѣ доказательство, что подобныя явленія были возможны въ варварскій и трагическій вѣкъ. — —

88. — Стр. 59, ст. 2.

*Ой якъ зможешъ ёмѣ, друже,
Вкоротити віку,
Не забуду я послѣди
Твоєї до віку.*

Стихи эти основаны на томъ, что Хмельницкій былъ очень ревнивъ къ своей власти и, подъ благовиднымъ предлогомъ, казнилъ опасныхъ для него людей. Опасеніе потерять власть въ народѣ заставляло его входить въ союзы, ненавистные для лучшей части его сподвижниковъ.

89. — Стр. 59, ст. 5, 6.

*Грачѣвъ ключа и чорникъ галокъ
На сей бѣгъ стягае.*

Слова *ключа* и *стягае*, употреблены на основаніи слѣдующихъ стиховъ народной пѣсни объ Иванѣ Свирговскомъ:

*А изъ Низу хмѣра стягала,
Що воронѣвъ ключа набігала.*

90. — Стр. 60.

Описаніе послѣдней битвы Голки основано на пѣснѣ о Нечай:

Ой не вспівь же козакъ Нечай
 На кѣника сісти, —
 Та й ставъ Ляхівъ, вражнхъ синівъ,
 На капусту сікти.
 Ой не вспівь же козакъ Нечай
 На кѣника впѣсти,
 Та й ставъ Ляхівъ, вражнхъ синівъ,
 Якъ снѣпки клѣсти.
 Ой якъ стїсне козакъ Нечай
 Коня острогамъ, —
 За нимъ Ляхівъ сорокъ тисячъ
 Зъ голыми шаблями.

91. — Стр. 61, ст. 7, 8.

*Не зломіти гайдабуромъ
 Лицарської сіли!*

Лицарь, по понятію народа, есть что-то непобѣдимое. Его можно убить только серебряною пулею, или его собственнымъ оружіемъ.

92. — Стр. 61, ст. 9—12.

*Повернўся лицаръ Голка
 На правую рўку;
 Кудї гляне, тудї гріане,
 Всюди повно трупу.*

Въ народной пѣснѣ:

Повернўся козакъ Нечай
 На лївую рўку, —
 Не вїскочить Нечайв кїнь
 Изъ Ляцького трупу.

93. — Стр. 61, ст. 13, 14.

*Ой не взїти вамъ лицаря
 Голыми рукамаи.*

Кромѣ поговорки: *голыми рукамаи ёго не візьмешъ*, авторъ имѣлъ въ виду манеру отчаянныхъ рубагъ обнажать руки въ бою. Пасекъ, въ своихъ *Pamiętnik'ach* (стр. 77) также говоритъ: *Ruszaia się tedy chorągwie powoli, a wodzowie zaś jada przed nami z gołemi po łokcie rękami.*

94. — Стр. 61, ст. 21, 22.

*Ой велике характерство!
 Намъ ёго не вбїти.*

Разсказъ лирника: «Ляхи, якъ стали Харка рубать, то рубали ажъ три дні, та вїякъ не порубають; и шабля позубилась гіршъ, якъ залізо; та вже

дорозумувались, щобъ рубать ёго ёго жъ шаблею. А въ ёго шабля була лицарська; то та шабля ёго й побідила.»

95. — Стр. 61, ст. 23, 24.

*Треба, браття, срібнимъ гудзькомъ
Рушницю набити.*

См. примѣчаніе 45 этой поэмы.

96. — Стр. 62, ст. 4 — 8.

*Не сважали гайдабуря
На козацьку врѣду,
Рвали тѣло по кусѣчку,
Кідали у воду.*

Въ народной пѣснѣ о Нечаѣ:

Ой не дбали вражі Ляхи
На козацьку врѣду,
Рвали тѣло по шматѣчку,
Пускали на воду.

97. — Стр. 63, ст. 5.

Прозирають у Славуту

Славутою называли козаки Днѣпръ во времена Окольскаго (Dyaryusz. str. 89) и конечно гораздо и прежде, какъ это видно изъ думы о Кишкѣ Самійлѣ и изъ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Въ старинныхъ козацкихъ документахъ употребительно слово *славѣтний*: «славѣтні наші прѣдки».

ДО ЗЕМЛЯЧКИ.

Українко, рідна сестро,
Пташко полохлива!
Куди се тебе замчали
Необачні крила?
Передъ тебе щасна доля
Съ карими очима,
А довічняя невѣля
Стоить за плечима.

Полену́ла въ чужу́ зѣмлю
Зъ рідної України,
Проміня́ла рідну сѣмью
На чужу́ чужину.
Веселі́ся, утіша́йся,
По́ки молодѣ́нька, —
Неха́й ту́жить по дитині
На Україні пѣнька.
А якъ брѳви полиня́ють,
Ліченько змарніе, —
Щимітима вбо́ге сѣрце,
По́ки за́німіе.
Щимітима сѣрце вбо́ге,
Що рідну ро́дину
Проміня́ла на зрадли́ву,
Невірну дру́жину.
Гірка, гірка сѣрцю зра́да
До́ма на Україні,
А ще гірша, а ще тя́жча
На чужій чужині.
Будешъ пла́кати, въ зѣмлю бі́тись,
До́лю прокли́нати, —
Не почу́е, не розва́жить
Старѣнькая ма́ти!
Ой неха́й вона́ не чу́е,
Ой неха́й не зна́е,
Якъ дитина погиба́е
У чужо́му кра́і!
Ляга́й, ма́ти, спочива́ти
Въ те́мну домові́ну:
Не ве́рнетця безталанна
Дочка́ на Україну!

Т. Вешнякъ.